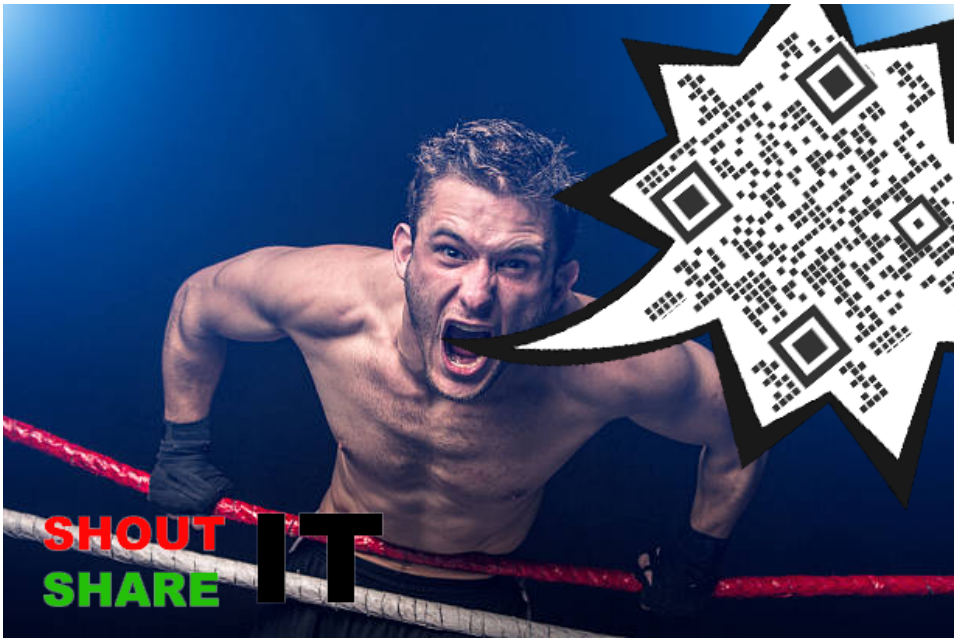
01.09
бесланское досье

DER SPIEGEL


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ранним утром 1 сентября 2004 года из рощицы на одном из холмов Сунженской гряды в путь вышел отряд из 31 мужчины и двух женщин. Вышел, чтобы совершить самый кровавый акт террора после трагедии 11 сентября в Нью-Йорке. Эти люди захватили школу №1 в Беслане и убили 344 человека.

Российские официальные органы как могли тормозили поток сведений о событиях. Махровым цветом расцвело памятное с советских времен искусство дезинформации. Те же сведения, что доводили до общественности прокуратура, спецслужбы, армейские и милицейские чины, отражали прежде всего стремление скрыть от чужого глаза собственные промахи.

Журнал "Шпигель" предпринял попытку восстановить хронологию этих событий, включая и их предысторию. Так возникла хроника кровавого злодеяния в Беслане. Она повествует о том, что происходило в те первые дни сентября 2004 года на Северном Кавказе, в регионе, который следовало бы причислить к очагам острейших из кризисов, сотрясающих сегодня мир.

- 01. 09: Бесланское досье
- ДЕНЬ ПЕРВЫЙ – 1 СЕНТЯБРЯ
- ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ
- ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ
- ЭПИЛОГ

01. 09: Бесланское досье

Раннее утро 1 сентября. Из рощицы на одном из холмов Сунженской гряды, отправляется в путь отряд – 31 мужчина и двое женщин. Отправляется, чтобы совершить самый кровавый акт террора после событий в Нью-Йорке 09. 11. В их арсенале гранатометы АГС-17, пистолеты Стечкина, ручные гранаты, снайперские винтовки и автоматы. Они собираются захватить школу. Школу #1 в Беслане, в соседней Северной Осетии.

Кровопролитие, которое они учинят, можно приблизительно выразить в цифрах, но невозможно постичь. В течение нескольких дней террористы подвергали мучениям – 1251 заложника, 330 из которых погибли. Таковы предварительные данные комиссии по расследованию. В их числе 176 детей – от первоклассников до грудных. Шестьсот человек получили ранения – и среди них опять масса детей. А Беслан, дотоле идиллический городок на фоне Кавказского хребта, превратился в символ беды, обреченный жить с не утихающей болью.

Случись сопоставимое преступление в каком-нибудь немецком городке, во французской деревушке или где-то в американской глубинке, его лютая бесчеловечность на месяцы стала бы темой для СМИ во всем мире. И под давлением общественности власти были бы вынуждены скрупулезно расследовать преступление и как можно скорее сообщить об итогах.

Не то в России. Не то на Кавказе. Умалчивание и замалчивание за века стали здесь частью образа жизни. Они должны защитить от притязаний чужых сюзеренов.

В этом регионе все взаимосвязано, всех соединяют узы дружбы или вражды, все расстояния преодолимы: от Беслана в христианской Северной Осетии всего 100 километров до Грозного в мусульманской Чечне. А между ними маленькая и тоже мусульманская республика Ингушетия. Это все мини-государства, которых здесь, в 1300 километрах от Москвы целая россыпь. Здесь, к северу от Кавказа, старая советская империя развалилась на куски. А новая Россия склеить черепки оказалась неспособной.

Наоборот: война в Чечне регион расшатывает, давая силу в разным сепаратистским движениям. В горах и лесах Чечни и Ингушетии готовятся воины ислама. И захват Беслана лишь одна из попыток втянуть Северную Осетию, страну христианскую и уже веками верную Москве, в войну на Кавказе.

Российские государственные учреждения блокируют поток сведений, затрудняя понимание причин и интерпретацию

происходящего, снова в цене испытанное советское искусство дезинформации. Сведения, доходящие до общественности из прокуратуры, спецслужб, от армейских и милицейских чинов, отражают, прежде всего, стремление скрыть от чужого глаза собственные просчеты.

А просчеты эти потрясают. Здание школы #1, превращенное в руину, ни сразу, ни потом не обследовалось как место преступления по правилам криминалистики. Даже сам ход захвата заложников официальной стороной не выяснен в достаточной мере. Тем более нет ясности в отношении того трагического исхода, в который своей непрофессиональной работой внесли лепту и российские государственные органы.

А кроме того: из результатов журналистского расследования, проведенного корреспондентами "Шпигеля", явствует, что столь масштабная трагедия в Беслане, возможно, могла быть предотвращена. Многие из тех, кто захватили заложников, прежде всех – главари, годами числились во всероссийском розыске. Милиция их не трогала, хотя они спокойно появлялись в своих родных деревнях и селах.

Были в банде, захватившей заложников в Беслане, и преступники, попадавшие в руки милиции, но по непонятным причинам незамедлительно вновь выходившие на свободу. Даже в недели, непосредственно предшествовавшие захвату, когда боевики готовились в лесочке в Ингушетии, у милиции было много возможностей для активных действий. Но действий не было. А как характеризовать деяние пограничников, пропустивших в такой день, как первое сентября, в Северную Осетию без какого-либо контроля целую банду убийц?

Журнал "ШПИГЕЛЬ" предпринял попытку восстановить предысторию и хронологию событий. Корреспонденты журнала встречались со спасенными заложниками, с жителями Беслана, с родственниками террористов, сотрудниками силовых структур, членами антикризисного штаба и политиками.

Так возникла хроника кровавого злодеяния в Беслане. Она повествует о том, что на самом деле происходило в те первые дни сентября на Северном Кавказе. Она проливает свет на ситуацию в одном регионе. Он находится в России, но отнести его следует к очагам острейших из кризисов, сегодня сотрясающих планету.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ – 1 СЕНТЯБРЯ ХУРИКАУ. ВБЛИЗИ ОТ ГРАНИЦЫ С ИНГУШЕТИЕЙ. 6 ЧАСОВ УТРА

Уже 23 года и семь месяцев Султан Гурашев служит инспектором милиции в родном поселке Хурикау. У рослого усатого майора восьмеро детей. На семейной фотографии он гордо позирует в папахе, как это делали в 19 веке отцы семейств на Кавказе. В своей деревне Гурашев уважаемый человек.

Хурикау – неуютная деревушка у осетинской границы. Тысяча триста жителей, ни воды, ни газа, ни телефонной связи с миром. Жители по большинству мусульмане – "бревно в глазу", как говорят здесь в христианской Осетии. Этот узкий язык, вклинивающийся в три соседних республики – памятник сталинской политики разделения наций. На востоке, за лесом – Ингушетия. На Западе – Кабардино-Балкария. На северо-востоке – Чечня.

До Беслана отсюда 30 километров. С 1992 года дороги, которая заслуживала бы этого названия, туда нет. 1992 год был годом шестинедельной войны между осетинами и ингушами, в которой погибли почти 500 человек. С тех пор все ингуши, живущие в Хурикау, у осетин на подозрении. Майору Гурашеву надо быть начеку – он в деревне единственный милиционер.

Как каждое утро, он и 1 сентября 2004 года встает около шести утра, делает дела по дому, кормит скотину и около семи выезжает на своей белой семерке. Его первая цель – холм на околице деревни. Только здесь есть прием у его мобильника. Только отсюда майор может дозвониться до своего начальства в Моздоке.

Около десяти минут восьмого Гурашев со своей обзорной позиции видит, как подъезжает тяжело груженый ГАЗ-66. На нем написано "Прокуратура России". В окрестностях своей деревни Гурашев знает каждую машину. Этот грузовик он видит впервые.

БЕСЛАН. УЛИЦА КОМИНТЕРНА. 7 ЧАСОВ 15 МИНУТ

Начало сентября на Северном Кавказе пасмурное, но теплое. 1 сентября – начало учебного года, "День знаний" в России. На детей накатывается суровая проза жизни. Так говорят. Но и в

Беслане давно научились и из этого делать праздник. Все семь школ городка выкрашены и вычищены, дворники отпирают ворота и открывают двери. Тишина в коридорах, классах, мастерских и спортзалах. Еще час всюду будут царить мир и тишина.

И бесланская школа #1 на улице Коминтерна пока погружена в тишину. Это блок зданий, на карте города образующий букву "Е". Со всех концов города люди начинают в этот час сходиться к школе. Школа #1 большая, в ней учатся 890 детей и работают 59 учителей. Но она и лучшая школа в округе. Некоторые семьи посылают в нее своих детей даже из Владикавказа.

И учителя в ней серьезные и строгие. И Заурбек Гутиев был таким те 30 лет, что преподавал здесь историю, государство и право. Он тоже одевается по-праздничному – сегодня он почетный гость. От его низенького кирпичного домика до школы всего-то двадцать шагов – не проблема, хотя ноги уже не слушаются. Но пройти-то всего три дома. И времени еще много. Он может без спешки приколоть ордена к выходному пиджаку.

Ордена и медали завернуты в мягкую клетчатую фланельку. Нужно их приколоть – две красных советских звезды, два ордена за участие в Великой Отечественной войне. Медаль за освобождение Варшавы. Знак за ранение в правую ногу под Сталинградом. Знак за ранение в левую ногу под Торгау на Эльбе. Четыре ордена и 18 медалей и знаков прикалывает к темно-синему выглаженному пиджаку Заурбек Харитонович Гутиев, 84 лет от роду. Ему знакомы ужасы войны.

160 дней и 160 ночей он выдержал в Сталинграде. И тридцати метров не было от него до немцев, когда красноармейцы выводили генерал-фельдмаршала Паулуса и 24 офицеров его штаба. В Сталинграде он защищал высоту, одну и ту же. Она восемь раз переходила из рук в руки. Пока, наконец, в девятый раз ее захватив, смогли удержать. А потом был апрель 1945, когда американцы встретились на Эльбе с русскими.

Заурбек Гутиев знает ужасы войны. Он считает, ничего более жуткого, чем Сталинград, и быть не может. И не может быть кошмара, дольше, чем 160 дней и 160 ночей. Тех, что он пережил, в которых он выжил.

ХУРИКАУ. 7 ЧАСОВ 20 МИНУТ

Майор Султан Гурашев, деревенский милиционер, делает знак незнакомому ГАЗ-66 остановиться. Он поднимает левую

руку. Но грузовик делает вираж. Гурашев начинает преследование. На своих белых "жигулях" он едет за грузовиком и сигналит фарами. Раз, два. Грузовик замедляет ход. Наконец он останавливается. Гурашев притормаживает сзади него. Когда обе машины останавливаются, из грузовика выпрыгивают двое в камуфляже и черных масках.

Они скручивают совершенно не ожидавшего такого поворота милиционера. Они кричат по-русски: "Лежать!" Майор чувствует, как ему заламывают руки за спину, как в затылок упирается ствол. Его табельный пистолет ПММ – 12 отбирают. Его запихивают на заднее сидение его же "жигуля" между двумя вооруженными людьми. Его заставляют наклонить голову, машина трогается. Гурашев старается понять, в каком направлении они едут. Ему кажется, что едут они на юг, к Владикавказу.

Через некоторое время их колонна резко уходит вправо и по щебеночной дороге подъезжает к старой осетинской станице Старый Ботакойюрт. Вокруг этой деревни есть четыре милицейских поста. Основной – на выезде из деревни, со шлагбаумом, с каменной наблюдательной башней посреди лысых холмов. Видимость отсюда на 20 километров вокруг. Тут никто незаметно не пройдет.

Обычно достаточно некоторой суммы в рублях, чтобы миновать этот дозор между осетинским предгорьем и долиной. И вот перед жирной мордой ГАЗа открытый и беззащитный лежит Беслан, как мишень в перекрестье прицела.

ПСЕДАХ. ИНГУШЕТИЯ. ПРИГРАНИЧНЫЙ ЛЕСОК

Террористы после себя оставили не так много следов в лесочке к юго-западу от приграничной деревушки Пседах, в которой собрались перед тем, как выдвигаться. Пседах в Ингушетии находится в каком-то глухом углу. Неказистые кирпичные домики за высокими заборами, кочкастые тропинки, ведущие к мечети. В заброшенном Доме культуры советских времен ютятся беженцы из Чечни.

Эта горная местность, на северо-западе Малгобекского района, слывет излюбленной тропой контрабандистов и пристанищем чеченских боевиков. Даже милиция соглашается, что, мол, здесь без оружия разъезжать не здорово. На весь Пседах есть один милиционер. Он прилежно несет службу. Но с наступлением ночи он исчезает.

Сборный пункт был в лесу к юго-востоку от деревни, на полпути к хутору Гаирбек-Юрт. С 20 августа здесь начали собираться те, кто намеревался совершить захват в Беслане. Оснащение у террористов спартанское, они умеют жить в лесах. Ночуют они в тонких черных спальных мешках, укрываясь от дождя полиэтиленовой пленкой. Из палок и веток они сооружают что-то вроде спального ложа.

Среди них были ингуши, проведшие несколько месяцев в родной республике на нелегальном положении. Были и чеченцы, нашедшие приют у братьев-вайнахов в Ингушетии. Часть боевиков просочилась непосредственно из Чечни – она граничит здесь в Малгобекском районе с Ингушетией.

В отряды, отправляемые на захват заложников, набирают членов бригады мучеников "Риядус аль-Салехин", что значит "сады праведников". Об этой бригаде впервые заговорили во время захвата московского театра, где шло представление "Норд-Ост". Тогда, в октябре 2002 года, после штурма здания российским спецназом погибли 130 человек. Эмиром бригады мучеников объявил себя полевой командир чеченец Шамиль Басаев, у которого ампутирована одна стопа.

Для Беслана он отобрал и лично подготовил дюжину чеченцев и двух чеченок, скажет впоследствии Басаев. И кроме них – девятерых ингушей, троих русских, двоих арабов, двоих осетин, по одному татарину, кабардинцу и гуранцу. Некоторые подтянулись к отряду в последний момент, многие знают друг друга по прежним делам. Большая часть людей из окрестностей Ножай-Юрта, родины Басаева, что на востоке Чечни.

Басаев для России – враг номер один. Он ветеран газавата – чеченской священной войны. Он выступает в роли гостеприимного хозяина, когда в Чечню проникают ваххабиты. Он последний из полевых командиров первой волны. Он собирает вокруг себя тех, кто от отчаяния и ярости к тому, что они понимают под российским насильственным режимом, решил пожертвовать жизнью: мужчины – на поле брани, женщины – с поясом, набитым взрывчаткой.

Вербовка добровольцев в отдаленных лесах и горных деревнях началась еще в декабре 2003 года. Руководитель акции по кличке Хасан раздавал деньги будущим террористам через свою сеть вербовщиков в Ингушетии. Он говорил, что подчиняется Шамилю Басаеву. Вербовали по большей части в лагерях беженцев. Таких, как брошенная молочная фабрика в Карабулакском районе, недалеко от Назрани. Говорят, что в одном из лагерей готовят даже террористов-самоубийц.

Есть свидетельства, что там встречаются и арабские

наставники. Пограничники с Центрального КПП на границе с Чечней рассказывают, что если на границе тормознуть гражданина какой-нибудь ближневосточной страны, он тут же по мобильнику жалуется чиновникам в назранском МВД. А оттуда незамедлительно поступает указание иностранца пропустить. Не будь у них пособников в государственном аппарате, от высших чинов до уличного постового, захватчики до школы в Беслане просто не добрались бы.

31 мужчина, две женщины. Профессиональные диверсанты, закаленные в партизанских боях, и начинающие, террористы-подручные, хлипкие мальчишки, только что завербованные. Для операции в Беслане они готовят три машины: один УАЗ, белый пятиместный 'жигуль' ВАЗ-2110 и армейский грузовик ГАЗ-66, зеленый, мощный, с большой проходимостью. Со старыми советскими номерами А 8130 СЕ.

Принадлежит грузовик Мусе Цечоеву, одному из тех, кто отобран для операции. В 1998 году Цечоев попал на отсидку за похищение человека – ненадолго. А в 2004 году, уже будучи в розыске по обвинению в терроре, он затеял перестрелку с милицией у самого своего дома – 23 июля. Но от погони ушел. 25 августа он забрал свой грузовик из аренды. И сразу отправился к группе, ожидавшей в лесу. В которой уже был его родственник Бей-Ала Цечоев, родом из деревни Сагопши.

В этот день 1 сентября они уже с 6 часов утра в пути. В грузовик загружены гранатометы АГС-17, пистолеты Стечкина, ручные гранаты "Шмель", снайперские винтовки, автоматы. Облачно, 17 градусов тепла, дорога сухая.

БЕСЛАН. УЛИЦА ПЛИЕВА. 8 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Фатима Аликова открывает дверь в редакцию местной газеты "Жизнь на правом берегу". Главным редактором здесь работает ее мать. Газета выходит трижды в неделю. Курирует ее городская администрация. Скупой дизайн последних советских лет, фотографии местных князьков, комбайнов и заслуженных тружеников – этим она потчует своих бесланских читателей.

Фатима работает фотографом. Сегодня утром ей надо снять открытие учебного года в школе #1. Это задание, от которого не отвертеться. И по лицу Фатимы именно это и видно.

Ее мать уже сидит в кресле из искусственной кожи за рабочим столом. Она просматривает гранки номера за 2 сентября. Номер закрывается за два дня до выхода, потому с актуальностью

сложности.

Но к началу учебного года газета подготовлена прилично, хотя сроки и поджимают. Первую полосу украсит симпатичный материал о первом учебном дне. Написал его загодя Аслан, которому идти в одиннадцатый класс школы #1. Под заголовком "В сказочной стране знаний" он рассказывает, какое это чудо – учиться.

"Скоро первое сентября – День знаний – начинает он свой рассказ. "Те, кому в школу идти в первый раз, ждут – не дождутся этого важного дня в их жизни. Им интересно, какая школа на самом деле и отличается ли она от детского сада. Правда ли, что школа – это сказочная страна знания? И помогут ли учителя им не заблудиться в этой сказочной стране? День, когда они получат ответы на свои вопросы, близок".

Главному редактору особенно нравится финал материала: "Раздается первый звонок. С этого момента они уже не малыши, какими были еще вчера". Эти строки появятся тиражом в 8336 экземпляров. Все идет по плану. Как обычно. Главный редактор Баскаева подписывает полосы.

Фатима достает из шкафа фотоаппарат "Яшика" с новой вспышкой "Метц" и, не говоря ни слова; покидает редакцию. По прямой до школы всего 200 метров. В девять должна начаться линейка. А в первой школе ценят пунктуальность. Фатиме нужно снять, как мальчик-десятиклассник посадит на плечи девочку – первоклашку и колокольчиком возвестит начало нового учебного года. Так принято. Это событие во всех осетинских школах отмечают с большим пафосом. Фатиме нужно спешить.

В это утро на ней черное платье с короткими рукавами, двумя серыми полосами по диагонали через грудь и с разрезом на правом боку. В платье этом ничего особенного. Но оно талисман, помогало на многих экзаменах, которые приходилось держать в жизни. В последний раз она надевала его в день госэкзамена, когда защищала диплом об осетинском поэте Коста Фарнионе. На шее у Фатимы висит красный телефон, подарок мамы ко дню рождения. Сам день рождения еще только будет 13 сентября. Но Фатима так хотела мобильник, что мать отдала подарок до срока.

Этим летом Фатима читала книгу о Сенеке. И с тех пор она стала другим человеком. Настолько, что мать стала даже беспокоиться. Тема философа Сенеки – смерть. И Фатима задумывается теперь о смысле жизни. Стала меланхоличной, отстраненной. Аппетит вовсе потеряла. Ест только черный хлеб.

В газете она уже пять лет работает фотографом. Церемонию у школы #1 она фотографировала и в прошлом году. Рутина в работе локального фотографа начинает ее доставать. Да и школа

#1 ей не по душе. Там она чувствует строгость, стесняющую дух. Это – не ее.

БЕСЛАН. УЛИЦА КОМИНТЕРНА. 8 ЧАСОВ 50 МИНУТ

Заурбек Гутиев, учитель на пенсии и герой Сталинграда, со всеми орденами на груди выходит из дома. Построил этот дом он 57 лет назад своими руками. Маленький участочек с двумя симпатичными внутренними двориками. Там горшки с цветами под пологом из виноградных ветвей. А за порогом улица Коминтерна – скорее широкая тропа, без покрытия, пыльная.

Гутиев поворачивает направо. Вдоль домов тянется широкая полоса зеленых насаждений – орешник и каштаны. Гуси прогуливаются, куры что-то клюют. На своих непослушных ногах Гутиев неловко вышагивает вдоль железнодорожной насыпи, идущей параллельно улице и разделяющей город на две части – восточную и западную.

Дальний поезд Москва-Владикавказ раз в день, два-три товарных – вот и все движение на железной дороге через Беслан с его 35 тысячами жителей. Кавказская идиллия, медленное течение бытия. По улице Коминтерна едут и идут в направлении школы #1 празднично одетые семьи – в руках воздушные шары, в волосах – ленты, на лицах радость.

Слава Богу, что недалеко идти, думает Заурбек Гутиев. Через 20 шагов начинается школьный участок. Двухэтажное здание школы вытянулось семидесятиметровым фасадом вдоль Коминтерновской. На каждом этаже по девять классных комнат, на юго-западном углу внизу столовая, вверху – актовый зал. Спортзала отсюда не видно.

Школьный участок окаймляет бледно-голубая решетка. Заурбек идет вдоль нее и встречает старых знакомых, коллег, бывших учеников. У него много знакомых. Да, собственно, знакомы ему тут все. Здороваются: "Заурбек Харитонович! Как дела? Как ноги?" Заурбек отмахивается, что-то говорит своим тонким голосом. Ему встретился в последний раз учитель труда Александр Михайлов – помахал ему рукой. Встретилась и администраторша Баликоева – помахал в последний раз. Бывшему директору школы Таркану Сабанову уже 89 лет – тоже встретился по пути. Многих он тогда встретил – не зная, что в последний раз.

БЕСЛАН. МОСТ. 8 ЧАСОВ 55 МИНУТ

Колонна машин, в которой был и ГАЗ-66, подъезжает к границе Беслана с той стороны, где над путями высится мост через железную дорогу Москва-Владикавказ. Спустя две минуты машины поворачивают направо. Так это запомнилось майору Султану Гурашеву, первому заложнику того дня, сидящему на заднем сидении между двумя террористами. Он осторожно поднимает голову. Он видит типичный кавказский домик из кирпича справа и железнодорожную насыпь слева. Беслан. Железная дорога. Улица Коминтерна. Он видит машины и детей. Много детей.

ШКОЛА #1. ДВОР. 9 ЧАСОВ 08 МИНУТ

Фатима, фотограф местной газеты, приготовилась к съемке. Перед ней стоят первоклассники – по линеечке, вдоль белой черты. Они стоят в два ряда, мальчики и девочки держатся за руки. Один старшеклассник поднял совсем маленькую девочку на плечи. Солнце за спиной, мягкий свет. Фатима наводит видоискатель. Но перед объективом вдруг появляется что-то, чего там быть не должно – люди в камуфляже. Она слышит выстрелы. Опускает камеру. Она понимает, что что-то происходит, но не понимает – что.

Пригнувшись, она бежит к входу в школу. Спотыкаясь, одолевает четыре ступеньки, сворачивает налево к лестнице, спотыкаясь, пробегает 25 ступенек к учительской. Мимо доски, на которой начертан школьный кодекс чести: "Нет ничего, что было бы так трудно обрести, и так легко потерять, как достоинство. И помни слова Пушкина: независимость человека – залог его величия".

Фатима слышит, как кто-то в учительской кричит: "Вызывайте милицию!" Ей смешно – милиция нам уже не поможет, думает она и бежит к левому углу комнаты, где есть дверь в кладовку. Кладовка два на два, без окон. Рядом с нею плачет женщина, в панике потерявшая внука. Они закрывают дверь и ждут в темноте, что будет.

ШКОЛА #1. ДВОР. 9 ЧАСОВ 15 МИНУТ

Лариса Мамитова врач скорой помощи. Она только что с ночной смены – 17 часов дежурства. Ночь выдалась спокойная, никого из пациентов не потеряли. Но вот теперь она с тринадцатилетним сыном стоит посреди пальбы. Видит каких-то людей в камуфляжах, бегущих через ворота на Коминтерновской во двор школы. Их не меньше десятка, большинство в черных шерстяных шапках-масках. Те, что без масок – все бородатые.

Они палят из автоматов в воздух, сгоняют народ, праздничная толпа в школьном дворе пронизана панической скоростью: семьи, дети, учителя все охвачены стремительным, безумным движением, несутся, ищут спасения, пытаются бежать, по длинному школьному коридору, через ворота и двери – их гонят к спортзалу, их толкают, на них орут захватчики, неизвестно откуда появившиеся ниоткуда.

Мамитова берет сына за руку и через внутренний двор бежит с ним к спортзалу. По длинному коридору главного здания выстроились захватчики. Они отрезают путь к задней части здания. Они все время палят в потолок, направляют дула на заложников, приказывают идти в спортивный зал.

Мамитова и ее сын, спотыкаясь, идут к спортзалу. Там террористы выстроились в ряд перед окнами и тоже непрерывно стреляют в потолок. Во все горло они приказывают заложникам сесть на пол и не двигаться. Несколько террористов сразу начинают прилаживать в зале взрывчатку. Они соединяют проволокой баскетбольные корзины и прикрепляют к ним пакеты с взрывчаткой, обмотанные коричневой клеящей лентой. Школьников постарше они заставляют помогать. На полу заложникам велят держать свободным проход. И там террористы прокладывают кабели, соединенные с бомбами.

ШКОЛА #1. УЧИТЕЛЬСКАЯ. 9 ЧАСОВ 45 МИНУТ

В темноте кладовки загорается мобильник Фатимы. Она открывает крышку и слышит голос матери. Сидя поблизости в редакции, мать услышала выстрелы.

"Что там у вас?" – спрашивает мать.

"Тут стрельба на школьном дворе", – кричит Фатима.

"Беги оттуда!"

"Не могу!"

"А ты где?"

"На втором этаже"

"Спрячься и держись подальше от окон!"

Связь пропадает. Мать и дочь отчаянно пытаются звонить друг другу, но дозвониться не могут. В этот момент один из захватчиков ударом открывает дверь в кладовку, и Фатима роняет мобильник. Террорист в маске. Он направляет дуло на Фатиму и приказывает спускаться в спортзал.

Она бежит по лестнице вниз. 25 ступеней, потом по коридору главного здания. Перед переходом в спортзал она останавливается. В коридоре народу столько, что все прижаты друг к другу и к стенам. Захватчики стреляют в потолок, вновь и вновь, штукатурка дождем сыплется на заложников. Рядом с Фатимой плачет первоклассник, он потерял родителей. Она берет его за руку и тянет за собой в спортзал. Там она снова теряет его.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 9 ЧАСОВ 55 МИНУТ

Заурбек Гутиев, герой Сталинграда, оказался в передней части спортзала. Он сидит лицом к большим окнам, выходящим на школьный двор. Он оказался в той из двух групп, которая побольше и в которой террористы велели оставить для них проход. В этом проходе они уже пол часа монтируют минные ловушки, соединяют проводами бомбы, что-то склеивают изоляционной лентой. Все происходит так деловито, как будто бы электрики выполняют давно намеченные работы.

Все кабели сходятся в одной точке – в конце зала. Все провода соединены с включателем-лягушкой, похожим на педаль швейной машинки. У этого выключателя постоянно дежурит один из захватчиков. Впечатление такое, что он способен взорвать все мины и бомбы одновременно.

Гутиев судорожно обдумывает положение. Вывод его такой: точно расстреляют, как увидят мои ордена. Левый лацкан своего парадного пиджака он завернул внутрь – орденами к сердцу. Теперь его колодки и медали не видны. Он сидит в своем вывернутом пиджаке. Пришлось спрятать всю свою жизнь. Ему за себя стыдно.

Он прикидывает, как можно спастись. Вообще-то в любую секунду может начаться милицейская операция или штурм спецназа. Это был бы быстрый и хороший конец, наступивший еще до того, как все начнется. Потому что сейчас, в эти минуты, в первые два часа, когда террористы заняты установлением своего режима, когда они еще не расставлены по своим постам, что-то еще можно сделать. Сейчас, размышляет Заурбек Гутиев, еще есть шанс все дело кончить быстро. Но штурма нет.

Звучат приказы захватчиков: "На провода не наступать! Сумки и телефоны выбросить! У кого найдем мобильник – расстреляем! На провода не наступать!" Гутиев не считает взрывные устройства в зале, но пять бомб видны сразу – они громоздкие, размером с чемодан. Захватчики крушат стекла на окнах – кто бьет прикладом, кто стреляет.

Вокруг Гутиева устраиваются матери и бабушки, дети, люди, которых он близко не знает, люди знакомые, но без имен. Картины убийственные: матери с плачущими детьми, старухи с внуками на руках, первоклашки растерянные, испуганные и ничего не понимающие. Он сам – отец, вырастил четверых сыновей, подаривших ему девятерых внуков. И вот он сидит, Заурбек Гутиев, 84 лет от роду, один, и не может понять, что происходит.

БЕСЛАН. МЭРИЯ. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 9 ЧАСОВ 59 МИНУТ

В сером здании городской администрации, в двухстах метрах по прямой от школы, образуется антикризисный штаб. На самом деле люди бегают туда-сюда и говорят о том, что происходит в школе. Поступают сообщения о первых проколах. В отделении милиции дежурного с ключом от того шкафа, в котором оружие, не могли найти 40 минут.

В 10 часов 17 минут из столицы республики Владикавказа в направлении Беслана начинают движение первые четыре мотострелковые роты. Президента Александра Дзасохова незамедлительно известили, и он уже прибыл к месту событий. Дзасохову 70 лет, он президент Северной Осетии с 1998 года. Когда-то он был секретарем комсомола во Владикавказе, а в последние дни Советского Союза его сделали даже членом политбюро ЦК КПСС.

Годы, что он служил партии и государству, оставили свои следы – это усталый, опустошенный, подавленный человек. Дзасохов знает, что родственники и близкие прежде всех с него потребуют отчета: почему террористы смогли без помех доехать до ворот бесланской школы.

Ведь были же сигналы. Еще 18 августа была из Москвы, из МВД, телеграмма всем областным управлениям милиции. Там говорилось: есть сведения, что чеченские боевики планируют в Северной Осетии операцию, по типу той, что была проведена Шамилем Басаевым в больнице Буденовска летом 1995 года.

А в электронном письме, которое Басаев разослал 27 августа, то есть пять дней назад, были такие слова: "Именем Аллаха Всемогущего и Милосердного я, Абдала Шамиль Абу-Идрис, Эмир исламской бригады "Рияд-аль-Салихин", объявляю о наступлении третьего тысячелетия исполнения предсказаний пророка Мухамеда: … Мы будем взрывать ваши дома, корабли, самолеты, будем убивать вас на улицах ваших богомерзких городов, ибо смерть подлых неверных угодна Аллаху. Путь священной войны есть путь истинного мусульманина. Аллах акбар!"

Нет, конечно, слыша такие угрозы, власти кое-что предпринимали. В Беслане и во всей Северной Осетии в это утро 1 сентября отменены все отпуска и увольнительные для милиционеров. На все административные здания, отделения милиции и вокзалы назначены усиленные наряды. С особым упором на больницы и основные магистрали. Перед каждой школой должны дежурить 2-3 милиционера. Но теперь видно, что все это никакого эффекта не дало.

Теперь вообще все лето на Северном Кавказе предстает как увертюра к событиям в Беслане – была масса зловещих предзнаменований, были какие-то нелепые выступления, против которых и военные, и милиция, и юстиция, казалось, ничего не могли поделать. В регионе чувствовалось брожение и уже 17 июня басаевская бригада мучеников "Рияд-аль-Салихин" через интернет стращала: готовятся акты террора, которые будут иметь "неожиданные и крайне эффективные болезненные" последствия для путинского режима.

Спустя четыре дня, в ночь с 21 на 22 июня между 22 часами 30 и 3 часами утра 200 боевиков установили в Назрани на время режим тотального кошмара. Они захватили здания МВД и 137 подразделение пограничников, они разграбили оружейные склады, перегородили улицы баррикадами и расстреляли 98 человек – только милиционеров 51, а кроме них прокуроров, министров.

Некоторые из тех, кто захватывал Назрань, оказались теперь и в спортзале бесланской школы. В их руках наверняка и то оружие, что награблено в Назрани. Ведь от Назрани до Беслана всего 22 километра. Назрань явно задумана была как прелюдия к давно планировавшемуся захвату школы #1. Были и другие сигналы, раз за разом, и каждый раз из Малгобека и окрестностей его на севере Ингушетии.

1 июля 2004 года в перестрелке с террористами на границе города погибли заместитель начальника милиции Малгобека и заместитель малгобекского УГРО.

12 июля 2004 года сотрудники МВД в лесу близ Сагопши к

юго-западу от Малгобека обнаружили огромный схрон оружия, набитый пулеметами, автоматами, гранатометами и боеприпасами, добытыми в Назрани.

20 июля – и снова в Сагопши – застрелили мужчину 31 года от роду, жителя чеченской столицы Грозного, оказавшего ожесточенное сопротивление.

И, наконец, 23 июля в Сагопши ушел от погони Муса Цечоев, который позднее окажется среди бесланских террористов.

Все эти события произошли в радиусе максимум 10 километров от того палаточного лагеря, из которого захватчики выдвинулись ранним утром 1 сентября 2004 года. Между всеми этими событиями есть связь, все они были предсказуемы.

Если бы главный малгобекский милиционер Мухашир Евлоев, кавалер ордена за отвагу, офицер с образцовой выправкой и неуловимым взглядом, чуть внимательнее следил за тем, что творится в лесах вокруг его деревни и за высокими заборами ее домов, Беслан и сегодня оставался бы никому неизвестным городком.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 10 ЧАСОВ УТРА

Лариса Мамитова, врач со скорой помощи, сидит в центре спортзала с сыном Тамерланом. Его сегодня одевали, как на праздник. На тринадцатилетнем мальчике темный костюм с жилеткой, белая шелковая рубашка и до блеска начищенные ботинки. Лариса даже накрасилась, что делает только по особым случаям. Она небольшого роста, ее короткие волосы покрашены в темно-рыжий цвет, все движения ее тихи, скромны, неброски. Ей 54 года. За годы работы в больнице она поняла, что даже самые скверные обстоятельства не оправдывают бездействия.

По приказу террористов заложники бросают свои телефоны и сумки к их ногам. Бросает и Мамитова. Один из захватчиков топчет телефоны каблуками своих сапог. Кто-то из них кричит: " Если теперь еще у кого-то найдем мобильник, расстреляем 20 заложников! Поняли? 20 расстреляем!"

Лариса видит, что некоторые из заложников свои мобильные телефоны прячут. Она просит, чтобы не рисковали, просит настоятельно – мобильники нужно отдать. Потом она видит, как двое террористов тащат через спортзал мужчину. Он тяжелый, лет около 40, и – мертв. Мамитова не знает, что мужчину зовут Сослан Бетрозов, она не знает, что его только что расстреляли на глазах двоих его сыновей. Она видит только широкий след крови

на полу. Одну из школьниц заставляют вытирать кровь. Девочка идет по кровавому следу и белой рубашкой вытирает его. Мамитова повышает голос на заложников, сидящих рядом с ней: "Отдайте же, наконец, ваши чертовы телефоны!" Снова мобильники летят в кучу в центре зала.

Кто-то из террористов спрашивает, есть ли среди заложников врач. Мамитова откликается. Ее ведут к главному коридору. Там на полу сидят двое террористов, спиной опершись о стену. У обоих сильные кровотечения. Одному Мамитова дала бы лет 25, другому – лет 35. Тот, что помоложе, ранен в живот, у того, что постарше прострелено правое предплечье. Кто-то из захватчиков приносит Мамитовой рюкзак с йодом и бинтами.

Вначале она перевязывает того, что постарше. Пуля прошла наискось сквозь предплечье и оставила длинную рваную рану. Мамитовой кажется, что среди захватчиков именно этот – главный. Он агрессивней других и все время командует. Он носит бороду. Многим из заложников бросается в глаза, что именно он по-особому жесток. Он все время держит руку вверх, чтобы остановить кровотечение.

Российские следователи позднее опознают в нем Владимира Ходова.

Мамитова спрашивает его, зачем брали заложников. "У нас одна цель", – говорит Ходов. " Чтобы русская армия убралась из Чечни". Мамитова предлагает Ходову передать наружу записку с требованиями.

"Это только Полковник решает", – говорит Ходов.

"Тогда дайте мне поговорить с Полковником", – просит Мамитова.

Ходов спрашивает, как ее зовут, сколько ей лет, где она работает.

"Вы здесь одна?"

"В спортзале мой сын"

"Больше никого?"

"Только я и мой сын"

После того, как Мамитова перевязала раненых, кто-то из террористов приносит ей две конфеты. Ходов говорит, чтобы она их не трогала. Он говорит, что она все равно отдаст их сыну.

В коридоре она видит больше десятка заложников, стоящих перед окнами, держащих руки на затылке. Мужчины-заложники сооружают баррикады. Террористы выбивают окна, явно опасаясь газовой атаки. Они стреляют по всему, что движется перед окнами школы – стреляют из тяжелого оружия, из пулеметов на треногах, их гранатометов.

По коридору идет шахидка, "черная вдова". Она ведет

нескольких детей к туалетам рядом со столовой. На ней черное одеяние, в правой руке пистолет, виден пояс с взрывчаткой. Мамитова видит ее черные глаза.

Ходов с забинтованной рукой встает и уходит. Мамитовой он говорит, чтобы ждала. Она не знает, с кем говорила. Она не может знать, кто этот Ходов. Что он – такой же осетин, как она.

ЭЛЬХОТОВО. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Эльхотово – деревня мусульманская, хотя Северная Осетия в основном христианская. Здесь недалеко до границы с Кабардой. В городе 11 тысяч жителей, аккуратные кирпичные дома – вполне буржуазная зажиточность, по улицам гуляет всякая живность, из-за чего двигаться можно только шагом.

Ходов жил на улице Сортово, 17, последнее парадное, первый этаж справа, в двухэтажном бараке. Маленького Володю мать привезла сюда с Украины, когда ему было три года. На детсадовских фотографиях упрямый мальчик в белом вязаном пуловере с серьезными темными глазами. Приемный отец Ходова служил в инженерных войсках, мать работала медсестрой, детей было двое – нормальная уважаемая семья. Владимир учился в школе #1, и самые хорошие отметки получал по русскому языку и литературе. Он слыл тихим и болезненным, необщительным. Однажды его сильно избили, и травма на левом глазу так и осталась.

В Доме Культуры на первом этаже была библиотека. Владимира здесь приметили, потому что интересовался он только одним – той полкой, где энциклопедия. Потом когда-то в Эльхотово ему станет слишком тесно. Наступит момент, когда мальчик, в своем городке считающийся странным, но безобидным, превратится в мужчину, который берет заложников и с ними особенно жесток.

Ислам Владимир Ходов принимает уже взрослым. С этой чужой ему религией его свел брат Борис, в 16 лет осужденный за убийство на 8 лет, и в камере перешедший в исламскую веру. На свободу Борис вышел в начале 2003 года. С этого момента началось превращение братьев.

Уже 11 июня 2003 года Борис попадается с оружием и наркотиками по пути из Ингушетии. При нем была система спутниковой ориентации. Она показывала, что он шел из Старого Малгобека, поселка, в котором живет еще один бесланский террорист – Торшхоев. Бориса Ходова арестовывают, но через три

дня выпускают. Спустя две с половиной недели, 1 июля 1993, он выкрадывает понравившуюся ему соседскую девочку, желая на ней жениться. 19 июля его настигают четыре пули, выпущенных в него братом девочки.

На похоронах 22 июля 2003 года появляется и Владимир Ходов, к тому времени живший уже на нелегальном положении. С 1998 года на него выписан ордер на арест по подозрению в изнасиловании, совершенном в адыгейском городе Майкопе. Тем не менее, он не скрываясь ходит по родному городу. В последнюю секунду перед тем, как тело брата должны были отвезти на кладбище и похоронить по осетинскому обычаю, Владимир на удивление всем собравшимся соседям требует, чтобы похороны проходили строго по мусульманскому ритуалу.

Труп извлекают из гроба, несут в квартиру и совершают омовение. Делает это Хаджи Али, совершивший паломничество в Мекку, бывший имам Эльхотово. Он крупного роста, всегда с вязаной шапкой на голове и среди жителей Эльхотово слывет сомнительным торгашом со связями в Ингушетии. Известно, что за несколько месяцев до захвата школы в Беслане в подвале его дома был обыск – искали оружие.

Хаджи Али, в миру Алик Габисов, живет в шикарном доме, всего в ста метрах от квартиры Ходовых. Официально именно он обращает Ходова в мусульманскую веру. На западной оконечности Эльхотово возникла мечеть: в конце Второй Мировой немецкие бомбы превратили в руины без крыши и окон одиноко стоявший дом. Там будущий террорист был торжественно принят в мусульманскую общину и обрел новое имя – Абдула. Это было в начале 2003 года, меньше, чем за два года до захвата заложников. Ходов, объявленный во всероссийский розыск по подозрению в изнасиловании, прячется в течение многих дней и недель после похорон брата в подвале дома Хаджи Али. В шестом отделе североосетинского МВД – в секретной службе – его допросили и сразу отпустили.

Может быть, в Эльхотово поломался компьютер, в котором значился ордер на арест Ходова. Может быть, чиновник просто забыл посмотреть. У будущего захватчика заложников было, впрочем, уже и в то время достаточно денег, чтобы откупиться.

В начале августа 2003 года Ходова видели еще раз – в Ингушетии вместе в Хаджи Али. Они встречались в деревне Инарки с торговцем Муссой Яндиевым и хотели получить с него 150 тысяч рублей – или 5 тысяч долларов. Рядом с Инарки находится как раз тот лесок, в котором отряд, предназначенный для бесланской операции, разбил свой последний лагерь. Может быть, хотели привлечь и торговца? Может быть, Ходов уже тогда

собирал деньги, машины, контакты, информацию?

Потом след Ходова теряется. Хаджи Али говорит, что Ходов был в медресе в Дагестане. По сведениям российских секретных служб, он был в лагере по подготовке террористов недалеко от Галашки в Ингушетии. Там он якобы познакомился с другими участниками набега на Беслан. Точно известно одно: 3 февраля 2004 года Ходов объявляется во Владикавказе. Он совершает подрыв северокавказского военно-юридического факультета: семеро погибших, десять человек раненых. Выписан еще один ордер на арест Ходова.

В местной газете появляется фотография Ходова на первой полосе: серьезный молодой человек, 28 лет, в черном пиджаке. И хотя к тому времени розыск Ходова шел уже по 2 ордерам на арест, он преспокойно гулял по улицам родного Эльхотова весной и летом 2004 года. Тамошний начальник милиции, старший лейтенант Валерий Джибилов, не дает приказа арестовать Ходова, гуляющего под его окнами. По халатности ли, от безразличия или легкомыслия – это не известно.

Во всяком случае, вся подготовка Ходова к Беслану шла на глазах властей.

ВЛАДИКАВКАЗ, ГОЛОВНОЙ ОФИС МИЛИЦИИ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Майор Гурашев, участковый милиционер поселка Хурикау и первый заложник того сентябрьского дня, сидит недалеко от школы #1 в доме 89 по Коминтерновской. Сюда ему удалось сбежать, как только террористы выскочили из машины. Они просто забыли его на заднем сидении его 'жигуля', и как только началась стрельба, он понял, что одному тут ничего не сделать, закатился под машину.

Сейчас он звонит начальству. Начальство подключает следователей. Проходит немного времени, и Гурашев второй раз за день становится жертвой: коллеги из Владикавказа ему, мусульманину, не верят. Его, почти четверть столетия безукоризненно служившего в своей деревне, подозревают во лжи. Его, по собственной воле кинувшегося к ним с докладом, они объявляют пособником террористов.

Майор Султан Гурашев узнает российскую правоохрану теперь с другой стороны, обычно не знакомой людям в милицейской форме. Им начинает заниматься группа под руководством следователя по особо важным делам Игоря Ткачева

и работающая по заданию генпрокурора Владикавказа.

Майора, вставшего на пути захватчиков, когда еще было не поздно, сломали бесконечными допросами. Когда его отпустили, у него была рваная рана на лбу длиной 8 сантиметров, левый глаз заплыл полностью, на груди и левом бедре – огромные гематомы. Мошонка растоптана.

ШКОЛА #1. ОСНОВНОЙ КОРИДОР. 11 ЧАСОВ

Казбек Дзарасов осетин, ему 34 года, высокий и худой, попал в заложники вместе с матерью и сыном. Его жизнь с первых минут подвергалась особой опасности – отношение захватчиков к взрослым сильным мужчинам проявилось с самого утра в том, что они отобрали 20 из них и увели в коридор. Был среди них и Казбек Дзарасов, большой, жилистый и с добрыми глазами.

В коридоре бурлит жизнь. Террористы бегают туда-сюда. "Как у себя дома", – думает Дзарасов. Все заняты делом, все без масок.

Главный коридор школы #1, длиной в 50 метров и шириной в 4 метра, освещают два ряда окон – по семь с каждой стороны. Окна эти выходят во внутренние дворы. Перед ними, держа руки за головой, стоят Дзарасов и другие. Они живой щит.

Другим заложникам, среди них и старшим из школьников, велено сооружать баррикады у окон. Они подтаскивают книги, мебель, снятые с петель двери. Работа затягивается. Раз за разом наполовину готовые баррикады разваливаются. Просветы для стрельбы, которые сооружают из плакатов и картинок в рамках, оказываются неустойчивыми. Закрыть окна долго не удается. Охранники мечутся, пиная заложников ногами, а иногда и прикладами, и все время кричат: "Тишина, не дергаться!"

У Дзарасова свело ноги, в руках он больше не чувствует притока крови. Он все еще стоит перед этим окном, держа руки у головы, хотя и руки, и ноги нестерпимо болят. Но стоит пошевелиться или хотя бы переступить с ноги на ногу, как его сразу бьют по ногам, по бедрам, по бокам. Так он стоит в течение многих часов.

БЕСЛАН. УЛИЦА КОМИНТЕРНА, УГОЛ ЛЕРМОНТОВСКОЙ, 11 ЧАСОВ 30 МИНУТ

С 11.30 школу окружают части 58-й армии. На одном из блокпостов оказывается и Роман Алиев, уже год служащий в патрульной милиции. Его пост на улице Коминтерна. Настоящего приказа он не получал. Как и другие милиционеры, он сам решил, что нужно бы блокировать перекресток в 150 метрах от школы. Насчет какого-то плана окружения объекта Алиев ничего не слышал.

В Беслане около 500 милиционеров. Сейчас они занимают посты по широкому кольцу вокруг школы. Приказов они не слышат. Радиопередатчики большую часть времени молчат. Новый начальник милиции в должности всего месяц. Его вообще не видно.

Тем временем в течение дня подходят все новые жители Беслана, родственники тех, у кого в школе дети, сестры, отцы. На милиционеров в ограждении градом сыпятся вопросы. Но они и сами ничего не знают. Информации у них никакой. Как все прочие, они слышат только слухи. Они послали кого-то в городскую администрацию – к Дворцу культуры. Говорят, что там выдают всю информацию, которая имеется в наличии.

Роман Алиев, стоя здесь, в ограждении, узнает, что у его подруги Дианы случился нервный припадок. Она в больнице. Ее младшие брат и сестра – оба ученики школы #1, им обоим в первые минуты трагедии удалось сбежать. В самые первые минуты это удалось нескольким сотням людей. И даже в течение первого дня из школы нескольким людям удастся бежать. Две девочки убегут из уже занятого террористами здания.

ШКОЛА #1. ГЛАВНЫЙ КОРРИДОР

Врач Лариса Мамитова, мать Тамерлана, в сопровождении террористов идет к тому, кого они называют Полковником. Он сидит в библиотеке на первом этаже за столом. Он приглашает Мамитову тоже присесть. На полу валяются книги. Большинство – советских времен. "Белый снег" Юрия Бондарева о Сталинградской битве. "Как закалялась сталь" Николая Островского. Даже копия ленинской "Искры" среди них. На стене – стенд, на котором написаны слова Чехова: "Равнодушие парализует наши души и ведет к преждевременной смерти".

У Полковника длинное лицо, борода клином. Наголо остриженная голова покрыта мусульманской вязаной шапкой. На нем брюки от камуфляжного костюма, черная майка и пояс, на котором висят гранаты, нож и штык. На руках – черные перчатки

с обрезанными кончиками пальцев. Он держит снайперскую винтовку с большим оптическим прицелом. Полковник подходит к окну и через прицел смотрит на дом, в котором, как он подозревает, сидит снайпер федералов. Несколько минут он наблюдает за этим окном через свой прицел, потом трижды стреляет.

Полковник производит впечатление уверенности и спокойствия. Он спокоен настолько, что Мамитовой кажется, захват заложников для него дело не новое. Рядом с ним другие террористы кажутся зелеными юнцами. Они ради развлечения палят по проезжающим перед школой машинам, по курам и уткам, и когда попадают, радуются, как дети. Полковника они боятся, Мамитова это чувствует. Что он приказывает, все исполняют.

Полковник снова садится к столу напротив Мамитовой. Он дает ей лист бумаги и шариковую ручку, и диктует номер телефона, по которому ему должно звонить российское правительство. Потом он запускает руку в карман брюк и долго что-то ищет там. Он вытаскивает план школы, смотрит на него и убирает снова в карман. Наконец он достает лист бумаги, на котором что-то написано, и диктует Мамитовой свои требования. Для переговоров в школу должны прийти президенты Северной Осетии и Ингушетии, советник Путина Асламбек Аслаханов и Леонид Рошаль, детский врач из Москвы, доверенное лицо Путина. За каждого раненного боевика будет расстреляно 20 заложников, за каждого убитого – 50. В случае штурма школа будет взорвана. Кроме того, Полковник требует, чтобы из Назрани привезли воду, ингушскую воду, чистую воду.

Полковник предупреждает Мамитову: только передать послание, ничего не говорить. Если попробует бежать, сына расстреляют. Потом он приказывает привести снайпера. Показывая на него пальцем, он говорит Мамитовой, что она будет у него под прицелом.

Мамитова отрывает белую занавеску от левого окна библиотеки и через главную дверь выходит из школы. Она машет занавеской и идет к воротам школы, тем, что с улицы Коминтерна. Она кричит, что у нее послание от боевиков. Ей навстречу идет молодой человек с ружьем. Он кладет винтовку на траву, подходит ближе к ней, берет записку. Мамитова спрашивает его: "Ты осетин?" Он кивает. Тогда она ему говорит по-осетински, что в школе примерно 1300 заложников, что спортивный зал заминирован и что штурмовать школу ни в коем случае нельзя.

Перед воротами на школьном дворе лежит женщина,

истекающая кровью. Она ранена в ногу и не может двигаться. Мамитова просит прощения за то, что не может помочь. Она возвращается в школу и просит террористов разрешить ей помочь женщине, иначе она умрет от потери крови. Террористы говорят: "Нет!". Полковник говорит: "Нет!".

ГАЛАШКИ, ИНГУШЕТИЯ. НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ

Полковника, который держит в своих руках нити событий в бесланской школе, зовут Руслан Хучбаров. Это утверждают спецслужбы. На одной из немногих фотографий, изображающих Хучбарова в прежней жизни, виден накачанный, наголо постриженный молодой человек в тренировочном костюме, высокомерно и выжидающе смотрящий в камеру. Похож на питбуля, стоящего на задних ногах.

Хучбаров родился 12 ноября 1972 года в Галашках. Галашки в Ингушетии, но до Северной Осетии оттуда всего один холм. Деревня расположилась вдоль дороги у бурной речушки Асса. В ней 1000 дворов и новенькая мечеть. На дороге – шлагбаум и памятник.

Камень под зеленым знаменем ислама положен в память о солдатах, убитых здесь боевиками в 2000 году. Боевики стреляли с холмов из гранатометов и автоматов. Одним из тех, кто стрелял, так написано в досье ФСБ, был местный по имени Руслан Хучбаров. Тогда погибли 18 офицеров и солдат федеральных войск.

К тому времени Хучбаров уже был убийцей, которого разыскивали по всей стране. Был приказ о его аресте после того, как в мае 1998 он убил двух армян в Орле на дороге, ведущей в Болхов, около кафе "Нектар". Спор вышел из-за женщины.

Он тогда жил в Знаменке, под Орлом, с рыжеволосой Леной Цорикашвили. У них была дочка Лиля. Хучбаров и не скрывал, что связь с Леной значила для него не слишком много, в общежитии маслозавода у него было много знакомых женщин. Покурить с гостями он выходил на улицу. Такой жиголо с приличными манерами. Постоянной работы, насколько известно, он никогда не имел.

После убийства армян Хучбаров скрылся. ФСБ утверждает, что знает, где он прячется, но не ловит его. В Чечне, где Хучбаров скрывается от преследований, его сначала зачисляют в отряд командира Ибрагима, потом он переходит к Арби Бараеву, известному своими многочисленными убийствами заложников. В

конце концов, Хучбаров оказывается в числе лиц, приближенных к полевому командиру Шамилю Басаеву.

Хучбаров в Чечне был не все время. Он вел образ жизни, типичный для повстанца – постоянно в бегах. От органов безопасности он постоянно уходит. Один раз, когда пытался в Нальчике встретиться со своей подругой. Потом в 2002 году после перестрелки у автобусной остановки в ингушском городе Слепцовская. И еще раз, когда навещал в Галашках отца, и пришлось бежать через кукурузное поле от отряда спецназа.

Руслан родился в Галашках на Партизанской улице, дом 11. В одном из самых старых и бедных домов деревни. Его отец Тагир Хучбаров, тракторист на пенсии, в черном берете и черной рубашке говорит, что видел сына в последний раз пять лет назад.

Единственная комната в доме, где родился Руслан, примерно 20 квадратных метров. Ковры на стенах, тахта в рисуночек, с потолка свисает патрон без лампочки. Шкафа нет, потому посуда – на столе. Из окна виден сад с туалетом посреди кукурузных зарослей. Под раскидистым ореховым деревом – гордость семьи, зеленые 'жигули' с номером А-4763.

О чем отец с сыном говорили в последний раз? О жизни Руслана, о целях, о том, как убил армян? "Если бы я их не застрелил, то убили бы они меня", – так ответил тогда сын на его вопрос, рассказывает Тагир Хучбаров. Он верит сыну: "Руслан всегда был спокойный парень".

Отец и сын виделись не часто. После того, как родители развелись, Руслан жил у матери. Только когда ему исполнилось уже лет 8 или 9, он вернулся в Галашки, пошел в школу и запомнился одноклассникам веснушчатым, "совершенно нормальным парнем". Во всяком случае, не стремящимся выделиться.

Лишь много позже, в Орле, Руслан решил стать сильным и придумал себе кличку – Полковник. В Чечне он из обычного уголовника превращается в террориста. Может быть, повлияла спецподготовка, может быть, ожесточился в поле, может быть, был ослеплен религией – этого никто сказать не может.

Когда отец Хучбарова говорит, что не видел сына с 1999 года, он и не ожидает, что ему поверят. Он рассказывает: "Уже 10 дет ко мне каждую неделю приходят КГБэшники – или ночью в 11, или утром в 4. Я уже перестал и штаны на ночь снимать". Старик знает, чего хотят от него ночные визитеры. И посетители знают, что он будет молчать как могила. Таков обычай общения центральных властей с людьми на Северном Кавказе. Игра кошки с мышью. "Они спрашивают о моих сыновьях. В последнее время только про Руслана – с тех пор, как младшего сына, Башира, два

года назад застрелили в лесу. Я всегда отвечаю: вы же знаете, где его искать".

Есть много свидетельств того, что перед бесланской драмой Руслан Хучбаров оставил немало следов в области, граничащей с Северной Осетией. Без всяких последствий.

После убийства армян и нападения на колонну солдат в Галашках, Полковник якобы сам купил взрывчатки, чтобы взорвать здание ФСБ Ингушетии, что и сделал 15 сентября 2003 года вблизи Назрани. Тогда погибли трое. Следствию, кажется, известно, что после этого он – как боец или как организатор – участвовал и в серьезно подготовленном нападении на Назрань 21 июня 2004 года. Потому 20 июля 2004 года на Партизанской улице в Галашках появился целый отряд ФСБ под предводительством лейтенанта ФСБ Костенко из Железноводска – семеро парней в масках, с калашниковыми наперевес и инфракрасными излучателями в рюкзаках. Было как раз четыре часа утра.

Отряд останавливается перед плетеным забором, за которым маленький садик и каменный дом. Зовут хозяина, одевают ему наручники, избивают его, обыскивают дом, ревущих детей запирают в задней комнате. В спальне находят автомат Калашникова. Хозяйку гонят словами "Пошла отсюда, сука!". В саду раздаются выстрелы. Хозяин сражен тремя пулями в грудь и одной в голову. Но это не Руслан Хучбаров, на имя которого выписан ордер на арест, за которым приехало сюда из Железноводска подразделение 38/0. Жертвой стал Беслан Арабхаев, живший на Партизанской, дом 1, малоимущий колхозник, отец семерых детей. Спецназовцы ошиблись на несколько домов.

На месте события вдову заставляют подписать протокол о том, что у нее нашли оружие. В уголовном деле #04600044, на котором она настояла по совету родственников, шансы ее равны нулю. Так сказал прокурор.

Только потому, что дядя застреленного, Муса Арапханов, время от времени выпивает с отцом того, на кого, собственно, был ордер, со старым Тагиром Хучбаровым, просачивается слух: искали в деревне спецназовцы не случайно. Муса говорит, что Полковник уже в этом году был в Галашках на поминках своей матери. "Он был очень верующий'. Даже представить себе невозможно, чтобы он такое творил", – говорит Муса. "Такое" – имеется в виду Беслан.

К моменту захвата заложников Руслан Хучбаров только женился в Чечне, и у него родился сын. Когда он 1 сентября 2004 года устанавливал свой режим террора, дома в Чечне оставался

его собственный ребенок семи месяцев от роду. Примерно в таком возрасте, как самые маленькие из бесланских заложников.

МОСКВА. ИНСТИТУТ ПЕДИАТРИИ. ПОЛДЕНЬ

Леонид Рошаль – детский врач. Мужчина крепкого сложения с громким голосом. Он только что пришел в свой кабинет. Он был в одной из московских школ. Там в актовом зале он произносил речь о новом учебном годе. Сегодняшний день его забит встречами и переговорами до самого вечера. Рошалю 71 год, он в России человек известный, кое-кто считает его доверенным лицом президента Путина. Хотя никто не знает, насколько эти двое действительно доверяют друг другу.

Звонит телефон. На другом конце линии голос журналиста из ИНТЕРФАКСА:

"Вы слышали, что террористы хотят с Вами говорить?"

"Какие террористы?" – спрашивает Рошаль.

Вместо ответа на свой вопрос Рошаль слышит удивленное: "Вы ничего не знаете?"

"Нет, ничего не знаю", – отвечает Рошаль, сердясь. Он человек темпераментный.

"В Беслане в Северной Осетии", – рассказывает журналист, – "террористы захватили школу. Они требуют, чтобы в Беслан приехал советник Путина по Северному Кавказу, президент Северной Осетии, президент Ингушетии и Вы. И прямо сейчас".

Журналист на секунду замолкает и потом спрашивает: " Вы готовы туда лететь?"

"Я готов".

"Прямо сейчас?"

"Прямо сейчас".

Журналист кладет трубку. Рошаль сидит с трубкой в руке. Террористы. В школе, полной детей.

Два года назад отряд чеченских террористов захватил в Москве театр Норд-Ост со всеми зрителями. Они тогда заминировали зал и требовали, чтобы в течение недели российские войска были выведены из Чечни. Путин отказался от любых контактов с захватчиками и велел спецназу штурмовать театр. Во время штурма были застрелены почти все террористы. Погибли 117 заложников. Большинство – от усыпляющего газа, который использовали против террористов.

Перед штурмом Рошаль вел переговоры с захватчиками. Он был первым врачом, которому разрешили войти в зрительный

зал. В напряженных переговорах он добился согласия боевиков на то, чтобы в зрительный зал доставили воду и медикаменты. Ему удалось вывести нескольких детей. С тех пор он знаменит в России и не только. Рошаль гордится этим. Он набирает один из кремлевских номеров: "Говорит Леонид Рошаль. Мне нужен правительственный самолет, чтобы лететь в Беслан".

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 14 ЧАСОВ

В антикризисном штабе собралось человек 20. Здесь начальник ФСБ местного региона Валерий Андреев, здесь президент Дзасохов, здесь спикер парламента Таймураз Мамсуров, депутаты думы Рогозин и Маркелов, заместитель генерального прокурора Фридинский. Кто здесь главный – не понятно. Как не понятно, что, собственно, нужно делать.

Из тех переговорщиков, которых потребовали террористы, приехал пока только Дзасохов. От президента Ингушетии Мурата Зязикова и советника Путина по Северному Кавказу Аслаханова никаких сигналов не поступало. Гадают, почему в списке оказались эти трое представителей системы, а с ними еще и Рошаль. Если смотреть с позиции террористов, никто из них на роль доверенного лица российского президента не тянет. Складывается подозрение, что переговорщиков хотят заманить в смертельную ловушку.

Может быть, по этой причине никак не удается найти ингушского президента и отставного генерала спецслужб Зязикова. Он любит легенды о своей удали, рассказывает, как однажды в астраханском цирке из табельного пистолета застрелил взбесившегося медведя. Зато сейчас он ушел на дно. Мобильник его молчит. Позднее он скажет, что о драме в Беслане он узнал из "средств массовой информации". А СМИ пишут, что в течение всей трагедии с заложниками он сидел в московской гостинице "Президент" и что "изъял его из оборота" сам Путин, его покровитель.

Вместо Зязикова из Москвы спешно привозят двух других влиятельных ингушей: Михаила Гуцериева, бывшего вице-спикера государственной думы, сейчас директора нефтяного концерна "Росснефть", и его брата Хамзата, отставного министра внутренних дел Ингушетии и кандидата на пост ее президента. Они на Северном Кавказе в авторитете. В отличие от людей Путина, они умеют говорить на языке террористов.

ВЛАДИКАВКАЗ. АЭРОПОРТ. 14 ЧАСОВ 27 МИНУТ

Николай Патрушев, глава ФСБ, приземляется в аэропорту под Владикавказом. В антикризисный штаб он не едет. В течение ближайших двух дней там его никто не увидит. Чем занимался главный специалист Путина по национальной безопасности во время кризиса, останется загадкой.

На закрытом заседании совета Безопасности в Москве Патрушев потом шокирует сенаторов высказыванием, что во время захвата заложников в Беслане не было координации действий между МВД, ФСБ и армейским руководством.

Именно такое впечатление и складывается у всех, кто видел работу антикризисного штаба. На первом этаже здания мэрии импровизированный антикризисный штаб вел заседание в двух группах: совершенно изолировано от гражданской части штаба, в противоположном крыле здания, разместились силовики. Тут командовали заместитель главы ФСБ Проничев и командующий 58-й армии. Специалисты ФСБ по подслушиванию со своей техникой расположились тут же.

Спикер парламента Северной Осетии Мансуров, у которого трое детей в школе среди заложников, мечется между двумя почти враждебными группировками в антикризисном штабе. Время от времени он выходит на улицу, чтобы успокоить родственников заложников. Улицы перед мэрией запружены людьми. И Дом культуры по соседству все больше заполняют родственники заложников.

ШКОЛА #1. ГЛАВНЫЙ КОРРИДОР. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Баррикады построены, длинный тонкий Казбек Дзарасов и другие заложники-мужчины больше не нужны. Необходимость в "живом щите" отпала. Их гонят к центру коридора. Там, где переход в спортзал, начинается узкий десятиметровый проход без окон. Группе Дзарасова приказывают встать на колени лицом к стене. После долгого стояния для ног это очень приятно, но руки все равно нужно держать за головой – это мучение продолжается. Они встают на колени. Когда Дзарасову удается хоть на короткое время успокоиться, он начинает считать предметы, наблюдать за людьми, запоминать происходящее. Он старается убить время –

здесь, в эпицентре террора. Ему приходит в голову мысль: "Кто знает, может быть, потом все это будет очень важно. Лучше я все аккуратно запомню".

Казбек Дзарасов запоминает, что он стоит на коленях шестым справа от двери, ведущей в один из классов. В дверном проеме он видит одну из чеченских женщин, одетую во все черное. Он слышит, что она разговаривает с кем-то на повышенных тонах. Слов он не разбирает, потому что разговор идет не по-осетински и не по-русски. Но понятно, что они ругаются. Голоса их громки, особенно голос женщины. Они очень возбуждены.

Следующее, что слышит Дзарасов, – мощный взрыв. Короткий, разрывающийся, громоподобный звук. За ним – крики и выстрелы. Одно ухо ничего не слышит. Слева от него мир рушится и превращается в обломки. Двое мужчин, стоящих на коленях рядом с ним, падают замертво. Шестеро корчатся от глубоких ран и боли. Напротив двери лежит кто-то из террористов, у него кровотечение из живота. Зацепило, кажется, и еще одного. Женщины в проеме двери нет, она взорвалась. Как и почему, Дзарасов не знает.

Террористы в коридоре думают, что начался штурм. Они орут и беспорядочно стреляют. Одна из пуль задевает врача Мамитову – рана в нижней части правой ноги. Когда террористы перестают палить, Мамитову ведут к раненым. Один из террористов ранен в голову, он без сознания, кровь течет из уха, грудная клетка резко поднимается и опускается.

Террористы приказывают, чтобы Мамитова помогла тяжело раненому. "Поздно", – отвечает она. Кожа у умирающего такая темная, что некоторые из заложников считают его выходцем из Африки. Мамитова думает, что он араб. Он небрит, но борода у него не растет.

Захватчики требуют, чтобы Мамитова сделала что-нибудь, чтобы ему не было так больно. Притаскивают рюкзак, полный сильнодействующих медикаментов, которыми обычно пользуются военные врачи: витамин К и этамзилат против сильных кровотечений, промидол и моридол для обезболивания. Мамитова делает умирающему укол моридола. Помочь раненым заложникам ей не разрешают.

Мамитова смотрит на проем двери и понимает, что произошло. Там взорвалась "черная вдова". Фрагменты ее тела разметало по комнате и по коридору. Каплями крови забрызгана доска над дверью, на которой написан русский алфавит. На потолке – клоки волос, лоскуты кожи.

В списке мучениц чеченского народа прибавилось одно имя.

ШКОЛА #1. ВТОРОЙ ЭТАЖ, КАБИНЕТ ЛИТЕРАТУРЫ, 16 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Казбек Дзарасов, худой и длинный человек с добрыми глазами, все стоит на коленях в коридоре. Он слышит звуки радио. Передают четырехчасовые известия. Террористы заставляют семерых из мужчин встать и уводят куда-то по лестнице на второй этаж. Спустя полчаса уводят еще двоих. Один из них – Аслан Кудзаев. По случаю праздника он оделся во все белое – на нем белый костюм, белая рубашка, белые туфли.

Кудзаева ведут в кабинет литературы на первом этаже. Класс выкрашен в голубые и синие тона, под потолком висят портреты великих русских писателей. Их глаза обращены на семь лежащих внизу трупов. Кудзаев – во все белом – видит, что это те мужчины, которых увели полчаса назад. Они лежат в нелепых позах один на другом. "Чтобы правительство знало, что мы здесь не шутим", – говорит один из террористов и выходит из класса. Другой террорист дает двум приведенным команду выбросить трупы из окна.

На стене, под которой лежат трупы, множество дыр от пуль. На портрете Тургенева брызги крови – там, где лоб. На портрете, на котором Толстой по пояс, видна дырка от пули чуть ниже сердца. Кудзаев подходит к трупам и видит: их расстреляли спереди, дырки от пуль видны на ногах, животах, на груди и на лбу. Их одежда пропитана кровью.

Вместе с другим заложником он тащит первый труп к правому окну. Они открывают двустворчатое окно и поднимают тело на подоконник. Кровь капает на радиатор отопления. Теперь они выталкивают мертвеца. Он падает на землю между двумя каштанами.

Кудзаев понимает, что он и другой заложник станут следующими, кого расстреляют. Он думает, как отсюда бежать. Он смотрит на подоконную стену – она шириной 70 см. Он инженер-строитель и оценить такое может одним взглядом. Он мог бы выпрыгнуть, и шанс есть. Снайперу будет сложно так наклониться над подоконником, чтобы стрелять вниз в того, кто стоит близко к стене. И, кроме того, думает Кудзаев, террорист же понимает, что пока он стоит у окна, он сам на прицеле у другого снайпера.

Они бросают из окна второй труп, и Кудзаев шепчет другому заложнику по-осетински: "Надо прыгать". Тот качает головой – не верит, что получится. Но Кудзаев уже решил попробовать. Лучше так умереть, чем стоя спиной к стене. Он прыгнет. Он знает, что для другого это смертельный приговор. Но себе он говорит: "Он

сам его себе подписал".

Террорист стоит у двери в класс. Видно, что он боится снайпера. У террориста в руках Калашников – АК-74. Кудзаев знает эту модель – у самого такая дома. Он знает, что в рожке 30 патронов.

Когда они выбрасывают из окна четвертый труп, Кудзаев замечает, что террорист меняет рожок. Кудзаев залезает на подоконник и прыгает. Прыжок получается большой – почти пять метров до земли.

В своем белом костюме Кудзаев приземляется на трупы и вывихивает правую ногу. Жгучая боль. Он хромает вдоль стены, перелезает через забор, бежит к железной дороге. Позади слышны выстрелы. Он видит, как пули буравят землю вблизи его ног. Кудзаев прячется за насыпью, метров сто ползет вправо. Он снова чувствует боль, но все его мысли об одном – надо выжить. Появляются двое солдат и выносят его из зоны обстрела. Несут к машине скорой помощи.

ШКОЛА #1, СПОРТЗАЛ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Фатима, фотограф местной газеты, присматривается к террористу. Себе она говорит: "Я же журналистка, я должна их хотя бы посчитать". Насчитала десятерых. Среди них одна женщина. Правая рука приподнята, в ней пистолет. Левой она поддерживает пояс с взрывчаткой, повешенный на бедра. "Ну вы, бараны!" – кричит кто-то из террористов. Они говорят по-русски с акцентом, происхождение которого Фатима не может определить.

Один раз, когда шум террористам надоел, они вытащили из толпы одну женщину и ствол винтовки приложили ей к голове. Наступила тишина. Через некоторое время в другом конце зала вытащили другую женщину из толпы и ей тоже приставили дуло к виску. Если кто-то из заложников встает без разрешения, террористы стреляют поверх голов.

Фатима обращает внимание на одного из террористов, который занят с детьми. Он небольшого роста, ему лет 30, он без маски, иногда он улыбается. Через все горло, от уха к уху, тянется шрам, как будто кто-то пытался ему отрезать голову. Фатима дает ему кличку "Улыбчивый".

Однажды Фатима замечает, как Улыбчивый говорит с женщиной, у которой на руках грудной ребенок, У женщины длинные серые волосы и красивое печальное лицо. Она качает малыша и гладит по голове, но он не перестает кричать.

Улыбчивый берет у женщины бутылку с соской и идет за водой.

Фатима слышит где-то мелодию своего мобильника. Она видит, как террорист берет ее телефон, открывает и закрывает крышку. Она сидит в двух метрах от пакета с взрывчаткой и беспокоится за Томагочи в своем мобильнике: ведь он с голоду помрет, если не покормить. Сама Фатима голода не чувствует. Она хочет пить, но не пьет, чтобы не забирать воду у детей.

В спортзале Фатима кладет голову на ноги учителя физкультуры Алика Цаголова и плачет. Цаголову 54 года, он крепкого сложения, с лысой головой, был когда-то чемпионом союза по штанге. Цаголов успокаивает людей. Его авторитет действует на людей. Террористы принимают его как посредника. Фатима спрашивает его: "Мы все погибнем?" Цаголов успокаивает: "Нужно набраться терпения". Чтобы поднять ей настроение, он говорит: "Когда это все кончится, я всем буду рассказывать, что ты лежала у моих ног".

ШКОЛА #1. ГЛАВНЫЙ КОРИДОР. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Казбек Дзарасов, худой и длинный, все еще сидит на коленях лицом к стене. Потом ему разрешат просто сесть, а потом даже лечь. В руки хлынула кровь. Тысячи иголок чувствует он в кончиках пальцев. В коридоре отделили тяжело раненых от легко раненых. Тяжело раненые лежат слева от двери, а те, кто полегче или кого вовсе не задело – справа.

Все время заставляют работать. Как только рухнет какая-нибудь баррикада у окна, его поднимают, велят подтаскивать новую кучу книг, стулья, демонстрационные доски для занятий по химии, постеры с портретами российских героев войны "В пламени Афганистана". Когда в терроре перерыв, когда одно мгновение ничего не происходит, он заговаривает с захватчиками: "Чего вы детей-то не отпустите?" – спрашивает он. – "Они ж ничего не понимают". " Им и не надо понимать", – отвечает террорист, – "достаточно, чтобы они сдохли".

Вечером первого дня террористы решают освободить коридор от трупов и тяжело раненых. Дзарасову и еще одному мужчине приказано переносить трупы на одной из снятых с петель дверей – ее используют как носилки. Тела они относят в класс, на двери которого номер 16. Дзарасов запоминает эту цифру.

По пути он видит, что небольшие группы террористов заходят в столовую. Очевидно, чтобы поесть. Дзарасову приходит нелепая мысль: "Вид такой, будто смену закончили на фабрике". Две

поварихи из школьной кухни готовят для захватчиков еду. Дзарасов тем временем переносит трупы в темный класс.

Решили и тяжело раненых убрать из коридора. Опять заставляют Дзарасова и его напарника, которого он не знает, перетаскивать тела. Велят тащить их в тот же класс, куда носили трупы. Они приносят их туда и кладут в темноте. Раненых было 6 человек, все мужчины, очень тяжелые. Они стонут, кричат от боли, когда Дзарасов укладывает их на дверь, которая стала носилками.

До самой ночи приходится работать, без конца подтаскивать книги, стройматериалы. Его ведут в класс, выходящий окнами к главному входу школы. Он остается с одним из захватчиков наедине. Он слышит, как тот говорит ему в спину: "Ты для нас ничто, ты умрешь". Казбек Дзарасов на секунду представляет себе, что убить его могут прямо сейчас. Вот этой ночью этот человек может его застрелить. По полу кучами валяются патронные гильзы. Террорист говорит: "Мы – дети Аллаха, мы сыновья его. Молись твоему Богу, чтоб он тебя пожалел". Он играет своим пистолетом, но не стреляет в Дзарасова.

Снова Дзарасова выводят в коридор, где все время слышны выстрелы – иногда совсем близко, иногда очень далеко. Дзарасову кажется, что он точно знает, откуда слышатся выстрелы: из класса #16, где лежат трупы, и куда он отнес раненых. Дзарасов прислоняется спиной к стене. От этой работы его мучит жажда, острая, превратившая язык в рашпиль. По коридору бегают захватчики. Они возбуждены. Среди них и тот, которого Дзарасов решил называть Инвалидом – у него нет одной руки.

ЧЕЧНЯ. НОЖАЙ-ЮРТОВСКИЙ РАЙОН

Инвалида по кличке Однорукий зовут Хан-Паши Кулаев. Его младший брат Нур-Паши тоже в греппе захвата. Это в спортзале у них клички Однорукий и Улыбчивый. Родом они из Старого Энгеноя. Это и есть Ножай-Юртовский район, родина Басаева, почва, на которой произрастают повстанцы. Минимум четверо из захватчиков родом отсюда. В Старом Энгеное еще живы двести дворов, хотя прошло десять лет с начала первой чеченской войны. Человек двадцать из этой деревни уже погибли в борьбе против русских.

Когда идут "зачистки", то есть когда федералы дом за домом прочесывают в поисках оружия и подозрительных лиц, они всегда

что-нибудь да найдут. Например, осенью 2004 года в одном лишь дворе нашли 6 автоматов Калашникова, 2 пистолета Макарова, 200 грамм взрывчатки, 8 тысяч патронов, 2 прибора ночного видения и 4 радиопередатчика.

Кулаевы живут в двух маленьких домишках на участке близ луга в самом начале Старого Энгеноя. У них участок в 25 соток, в саду кукуруза, связанная в снопы, капуста, дыни и пара кур. Комнаты, в которых жили бесланские террористы, по-монашески аскетичны. Комната хлипкого Нур-Паши, в последний раз ночевавшего здесь в феврале 2004 года, размером всего в 12 квадратных метра. В ней печь, на стенах ковры, на подоконниках банки с огурцами. Комната старшего брата Хан-Паши – Однорукого – такого же размера. В ней стоит ореховая кровать, а рядом с ней светло-голубой комод.

Родители спят поблизости в маленькой глиняной лачужке, покрытой гофрированной жестью. На стене – картины, изображающие стамбульский собор Святой Софии. Отец Убург-Хадж, 69 лет, до выхода на пенсию работал в совхозе. Матери Аймани 70 лет, она работала на табачной плантации. В 1957 они вернулись из казахской ссылки, и у них родилось 11 детей.

Старший из братьев, Хан-Паши, ходил в восьмиклассную деревенскую школу и запомнился интересом к истории – прежде всего, к истории ислама. Кирпичное здание деревенской школы в Старом Энгеное, в котором они начинали учебу, очень похоже на здание школы #1 в Беслане. С 1991 года Хан-Паши служил в советской армии. Пару лет спустя по его стопам пошел и Нур-Паши, младший, – тоже надел форму Советской Армии, выглядел бойким сержантом в меховой шапке на темной голове. С 1996 года, когда в Чечне разразилась война, Хан-Паши воюет против российских войск. Ему был как раз 21 год, постоянной работы у него не было, и он решился на жизнь "нелегала".

Рассказывают, что потом он был полевым командиром в подчинении Шамиля Басаева и якобы был где-то поблизости, когда Басаеву, этому "рабу Аллаха", в бою оторвало стопу.

Точно известно, что в августе 2001 года Хан-Паши Кулаев в перестрелке с федералами был так тяжело ранен, что позднее ему пришлось ампутировать правую руку. 29 августа 2001 года он попадает в сети преследователей в оплоте повстанцев Аллерое вблизи своей родной деревни. Он был тогда с двумя друзьями. Его арестовали по подозрению в участии в нелегальных вооруженных формированиях.

Спецслужбисты этот арест в логове Басаева считали особой удачей. По официальным данным, Хан-Паши Кулаев получил 9 лет тюрьмы. Никаких официальных данных нет о том, как и

почему он, который окажется одним из самых жестоких террористов в Беслане, спустя некоторое время вновь вышел на свободу. По сведениям, из тюрьмы его выпустили 16 декабря 2001 года. Якобы прокуратура посчитала, что ампутация руки создала "новые обстоятельства" для рассмотрения дела. Может быть, так и было. Может быть, как бывает часто, на исход игры повлиял подкуп. В Беслане он и среди террористов выделялся жестокостью.

Хан-Паши Кулаев после освобождения свои стопы направил в Ингушетию. Сам он считал себя неполноценным: куда же с одной рукой. Родственники жены в Гудермесе над ним издевались: мол, в партизанской войне от него теперь пользы никакой, а в гражданской жизни человек без руки для федералов – правоохранителей всегда и сразу боевик. Вместе с братом Нур-Паши, который, будучи на семь лет моложе, зарабатывал себе авторитет среди повстанцев тем, что подносил воду и был на побегушках в горах, Хан-Паши оседает осенью 2003 года в ингушской деревне Сагопши. Оттуда всего 5 км от того места, где годом позже окажется палаточный городок отряда, отправившегося в Беслан. И всего несколько сотен метров до тех домов, в которых живут будущие захватчики заложников Муса и Бей-Ала Цечоевы. Тот Бей-Ала, стройный брюнет, отец троих детей, о котором его родители, живущие за серебристо-черными воротами на улице имени 52-го гвардейского танкового батальона, говорят, что он и курице-то шею свернуть не может. Знали ли будущие подельники друг друга в этот момент? Был ли уже план, по которому в Малгобекском районе должны были сойтись все нити операции в Беслане? Многое свидетельствует в пользу этого.

Дом, который снимали братья Кулаевы, расположен был в Сагопши на улице Асханова, 17. Принадлежит он, как и три соседних, сбежавшему из Чечни клану Мершоевых. Той семье, которая временно пользовалась тем самым грузовиком ГАЗ-66, который 1 сентября, набитый оружием и несущий смерть, приближался к Беслану.

Из 10 тысяч 700 жителей Сагопши 400 имеют постоянную работу. Большинство – ингуши. Из достопримечательностей имеется танк времен Второй Мировой, стоящий прямо за табличкой, на которой написано название деревни. Помимо того, пыльные дороги, стаи гусей, снопы кукурузы. Рядом с краснозвездным воином стоит новая мечеть – большая, из кирпича. У того муфтия, что служил в этой мечети, ваххабисты-радикалы четыре года назад прямо здесь, в деревне, взорвали дом. Тем не менее, тощий комиссар по уголовным делам Заурбек

Фаргиев утверждает, что о террористах в деревне ему ничего не известно.

Вот так братья Кулаевы спокойно жили в доме на улице Асканова в трехкомнатной квартире со своими женами и детьми и платили 45 евро в месяц. С арендодателями встречались, вместе смотрели кино и бокс по телевизору, по обычаю угощали друг друга по четвергам конфетами, яблоками и пирогами.

Жили братья неброско, помогали убирать картофель, всегда ходили на молитву и на похороны местных религиозных лидеров. 15 июня, за 6 дней до нападения на Назрань и за 77 дней до захвата заложников в Беслане, братья вдруг исчезли из деревни. И Нур-Паши вместе с женой и двумя детьми, из которых младшему всего несколько недель, и Хан-Паши с женой и ребенком. На последней неделе они находят пристанище в расположенном неподалеку гнезде повстанцев Пседах, на улице Энгеной-2, что сразу за кладбищем в конце неасфальтированногго тупика. 4 марта 2004 года именно на этой улице российский спецназ убил пятерых чеченских боевиков в доме, по самую крышу набитом оружием. И когда спецназовцы на следующий день окружили в Старом Малгобеке на улице Запада, дом #102 и перестреляли пятерых чеченцев, проникших в Ингушетию, уйти удалось только тому, кто дал этим людям кров – Исе Торщхоеву, 36 лет, судимому за грабеж.

И Торшхоев 1 сентября утром объявляется с одним родственником в спортзале в Беслане. Как и братья Кулаевы, как Цечоевы и другие выходцы из Малгобекского района, они давно решили объявить войну государству.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ПОСЛЕ 20 ЧАСОВ

Правительственный самолет с московским педиатром и переговорщиком Леонидом Рошалем на борту прибывает с опозданием. Полет врача и президентского уполномоченного был не из спокойных. Непогода над Северным Кавказом, грозы, заставили пилота петлять. Перед терминалом владикавказского аэропорта, от которого до Беслана ближе, чем до столицы, ждет машина североосетинского правительства. Она везет Рошаля в город, в здание антикризисного штаба. Там как раз слышится радостное сообщение главы осетинского парламента Мансурова, поступившее и к нему из лагеря ФСБ: штурма школы не будет.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. ВЕЧЕР

Врач Лариса Мамитова возвращается в спортзал. Ей поручено водить детей в туалет. Режим захватчиков без разбору угрожает расстрелом всем: и мужчинам, и женщинам, и детям. Они приставляют стволы винтовок кому ко лбу, кому к горлу – только потому, что кто-то повернулся или потому, что заплакал грудной ребенок. Но Мамитовой сейчас они дали пакетик со сникерсами, изюмом и детским питанием в порошке. Детям, в отличие от мужчин, в первый день разрешали пить воду в раковинах и раздевалках по обе стороны спортзала.

Тем не менее, грудные дети ревут. Когда этот гвалт террористам надоедает, они выгоняют матерей с грудными детьми из зала в раздевалки между малым и основным залом. Мамитова просит матерей покормить детей. Они пробуют это сделать. Но не получается. Они кладут детей на лавки и поют им, чтобы они заснули. Все-таки многие из детей ночь напролет кричат.

Лариса Мамитова сидит всю ночь рядом с тем террористом, что держит ногу на пружине взрывателя. Он сидит в углу зала на стуле, ногу держит на детонаторе. Когда террористы меняются, всегда подходит третий и детонатор держит рукой. Мамитова говорит им, чтобы были осторожны. Она всю ночь наблюдает за террористом на стуле и умоляет его, чтобы он не заснул.

Над школой разразилась гроза. Гремит гром, сверкает молния. Струи дождя лупят по окнам спортзала. Через разбитые окна проникает прохладный воздух. Он немного смягчает душную жару в зале, заложники стараются дышать как можно глубже. Воздух пахнет дождем, от него во рту вкус воды.

БЕСЛАН. АНТИКУРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Переговорщик Леонид Рошаль набирает на своем телефоне номер террористов, засевших в школе. Он нажимает на кнопку связи, звонок проходит и слышно: "Алло!". Голос мужской, он спокоен и расслаблен.

Рошаль называет себя и не спрашивает, как зовут его партнера. Этого он так никогда и не узнает. Голос на другом конце провода диктует Рошалю правила переговоров:

"Если мобильник отключите – расстреливаем заложников. Если мобильник включен, а вы к телефону не подходите – расстреливаем заложников. Если заметим снаружи движение или

солдат – расстреливаем заложников. Если вырубится свет – расстреливаем заложников".

Рошаль перебивает:

"Нельзя же расстреливать людей только из-за того, что свет выключился. Вы же знаете, как здесь в Северной Осетии: здесь свет постоянно отключается по самым ничтожным причинам".

После недолгого размышления террорист отвечает: "Даем три минуты, если отключится свет. Если после трех минут света не будет – расстреливаем заложников. И еще: если попробуете один подойти к школе, и вас расстреляем. Только вместе с президентами Северной Осетии и Ингушетии". Рошаль пытается начать переговоры, но собеседник на другом конце вдруг кричит: "Пошел ты на …. жидовская морда, ты один нам на … не нужен! Двадцать шагов в направлении школы пройдешь – будешь труп!" После этого Рошаль людям в штабе говорит: "Но это совершенно какие-то звери. По сравнению с ними Бараев был цыпленок". Мовсар Бараев – это тот, что командовал захватом заложников в московском музыкальном театре, где шел Норд-Ост.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ 2 СЕНТЯБРЯ

ШКОЛА #1. ГЛАВНЫЙ КОРИДОР, 9 ЧАСОВ 00 МИНУТ

Казбек Дзарасов, худой и длинный, сидит в коридоре. Через щели баррикады проникает утренний свет. Ноги, руки и все мышцы болят от мучений прошедших суток. Но пора опять работать. Начался второй день захвата заложников. Время ползет медленно, как улитка.

Дзарасову приказано вернуться в класс #16, куда он ночью относил убитых и раненых. Сейчас, утром, раненые тоже мертвы. Но не от ран они скончались. Дзарасов видит стреляные раны на головах и телах. Он вспоминает, как слышал выстрелы именно с этого направления, из 16-го класса. В его душе все переворачивается. Но на лице маска – тихое добродушие, никакой агрессии.

Террорист торопит: нужно восемь трупов отнести на второй этаж, в кабинет литературы. Дзарасов знает этот кабинет. Он всю школу хорошо знает. Он сам закончил десять классов в школе #1, он знает, как куда пройти, где какие лестницы, где какие закоулки.

Одно за другим, Дзарасов и другой заложник несут тела наверх, забирают из того класса, где кладут эти тела на двери. Чтобы выйти, дверь приходится наклонять. Потом пару шагов до лестницы и там начинается коридор, ведущий в спортзал, оттуда наверх, снова пару шагов назад по коридору. Коридор слишком узкий. Дверь все время ударяется углами о стену, тела соскальзывают. В кабинете литературы уже лежат убитые, некоторые из них в левом углу лицами к окнам, одно тело лежит у двери.

На втором этаже тоже оживленная деятельность: и здесь террористы ходят по коридору, они возбуждены, несут оборудование, оружие, ящики с боеприпасами. Откуда и куда – понять невозможно. Неясно, что, собственно, в эти ничем не занятые часы они вообще делают, но движения много. Они все время бегают, вид у них занятый.

Неся последний труп из класса 16 наверх, Казбек опять думает, что, видно, пришла его очередь умирать. В этот момент

он вовсе в этом не сомневается. Грязная работа сделана, он и другой заложник – лишние свидетели, террористам проще всего их убить.

Но работа еще не завершена. Под дулом ружья Дзарасова заставляют выбрасывать трупы из окна. Сейчас примерно 10 утра. Он и не старается сделать работу быстро. Он затаскивает тела на подоконник, старается на них не смотреть, особенно избегает смотреть на лица, просто двигает их вперед. Он толкает их, пока они не выпадают из окна. Пять раз подряд он это проделывает. Пять трупов он выбрасывает на улицу Коминтерна. И здесь неожиданно для него террорист говорит: "Идем вниз, пошел в спортзал! У тебя там семья что ли? Молись своему богу!"

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 9 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Соотношение сил между обоими флангами антикризисного штаба сдвигается в пользу ФСБ. Его вице-шеф Проничев и тем временем подъехавший генерал Александр Тихонов, командующий группами антитеррора Альфа и Вымпел, обсуждают возможности штурма. Североосетинские политики бурно протестуют. Они умоляют силовиков ничего не предпринимать.

Чуть позже свои услуги в качестве переговорщиков предлагают советы старейшин Чечни и Ингушетии, арабские телеканалы. Жесты, продиктованные благими намерениями, но бесполезные. Захватчики настроены вести переговоры только с теми, кого они назвали. Больше ни с кем.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Террорист, держащий ногу на бомбовзрывателе, слушает радио, сидя на стуле. Так Лариса Мамитова узнает, что правительство получило информацию, что была в ее записке. Однако номер телефона не работает. Радио сообщает, что правительство называет число лишь в 300 заложников. Слыша это, террористы приходят в бешенство. Они кричат заложникам, что с ними никто не хочет вести переговоры. Что они будут обороняться до последней пули. И что воюют они под знаменем Аллаха.

Мамитова просит, чтобы ее отвели к Полковнику. Ее выводят

на лестницу, и со второго этажа к ней спускается Полковник. Ему она говорит, что его телефон не работает. "Врут", – отвечает полковник. Он так же спокоен, как в первый день. Мамитова просит, чтобы он проверил номер. Тогда Полковник берет второй мобильник и набирает номер своего. Оказывается, номер действительно не работает. Может быть; силовики блокировали номер, чтобы выиграть время? Или чтобы вызвать панику среди заложников? Он диктует Мамитовой другой номер. Она записывает его на клочке бумаги. Она пишет, что террористы теряют терпение.

Около одиннадцати часов, размахивая майкой своего сына, Мамитова с новой запиской выходит на школьный двор. Но у школы на улице Коминтерна никто не стоит, кому можно было бы передать записку. От ворот с другой стороны двора мужчина кричит, чтобы она шла к нему. Он берет у нее записку и говорит, что двое его сыновей – среди заложников в школе. Мамитова успевает сказать, что в школе 1300 заложников и что там невыносимо жарко. И что дети чувствуют себя все хуже и хуже.

В это утро детям разрешают умыться, но пить – запрещено. Террористы говорят, это наказание за то, что правительство не желает с ними продолжать переговоры. Особенно Ходов с его раной в руку становится все более агрессивным. Он устанавливает охрану около умывальников. Кричит: "Кто будет пить – застрелю". Дети не понимают, почему им запрещают пить. Мамитова говорит им: нельзя, вода отравлена. Чтобы никто не вздумал пить. После обеда в одном из классов террористы выдирают доски из пола. Они говорят: теперь туалет будет здесь, где никаких кранов с водой. В спортзале тем временем почти все дети сидят в нижнем белье. Террористы психуют, видя почти обнаженных девочек. Они приказывают Мамитовой сделать так, чтобы девочки не раздевались. Она пытается объяснить это школьницам, умоляя не злить боевиков.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

У террориста Изнаура Кодзоева пятеро детей и жена. Правда, он с ними не живет. Но в антикризисном штабе считают, что они все-таки могут быть полезны. Велено привести жену Луизу. В одиннадцать вечера предыдущего дня ее забирают из ее скромного жилища в Кантышево и вместе с детьми сажают в машину. ФСБэшников, которые сопровождают ее, она предупреждает: " Если вы меня подвезете к школе, может так

быть, что мой муж и меня, и детей поубивает".

Дозвониться до ее мужа в школе не удается – ни вечером, ни в первой половине следующего дня. Тогда решают снять на видео обращение Луизы к Изнауру. Это те слова, которые позднее будут переданы по телевидению: "Если ты там, отпусти детей. Детям помоги, ведь у тебя самого пятеро". Луиза Кодзоева рассказывает, что ее первые слова были вырезаны. А сказала она: "Изнаур! Я знаю, что тебя там нет". И еще: " Меня заставили". Изнаура Кодзоева можно считать выходцем из ингушской знати. Он – родственник депутата думы Башира Кодзоева и сын Иссы Кодзоева, ингушского поэта и основателя Партии справедливости.

Кодзоевы живут в Кантышево, в котором 17 тысяч жителей и 10 мечетей. Их поселок на холме, он возвышается над христианской, осетинской низиной как бастион пророка. Отсюда как на ладони виден владикавказский аэропорт, который вблизи Беслана, и даже город Беслан с его спиртозаводами. И школа #1 отсюда видна где-то внизу, у ног.

Клан Кодзоевых спонсировал в Кантышево строительство медресе, прямо рядом с центральной мечетью. И в эту пятницу там соберутся около шести тысяч верующих со всей округи. Но прежде всего клан Кодзоевых знаменит произведением Иссы, народного поэта, написавшего на 600 страницах роман "Галгай" о ранней истории ингушского народа.

Ингушетия не похожа на Северную Осетию. Здешние мужчины носят темные костюмы и широкополые шляпы. Они смуглы и стройны. По виду – резиденты Коза Ностра на Кавказе. Ингушские женщины не подают и не пожимают рук, когда здороваются, не носят мини-юбок и не пьют спиртного.

Ингуши неплохо живут, занимаясь контрабандой чеченского бензина и торгуя собственной, весьма качественной нефтью. Под сенью кивающих осликов, разбросанных по всей республике и качающих в день до семи тонн нефти, сколачиваются приличные состояния.

Эту землю и ее историю воспел национальный поэт Исса Кодзоев. Его книга есть на полке любой местной библиотеки. Она – обязательное чтиво для тех из ингушей, кто охоч до образования. А пышные иллюстрации к оригинальному изданию сделаны Изнауром Кодзоевым, сыном поэта. Террористом.

Для российских следователей Кодзоев-младший давно в списке преступников: в 1998 году он был захвачен и снова освобожден, в августе 1993 года объявился в лагере подготовки террористов в Али-Юрте, в июне 2004 года участвовал в нападении на Назрань и в убийстве милиционера.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 12 ЧАСОВ

Ожидают Аслаханова, советника Путина. Он еще не добрался из Москвы до Беслана. С начала захвата заложников прошло 27 часов. Лететь от Москвы до Владикавказа часа два. Где же застрял Аслаханов?

Зато вдруг появляется Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии, бравый генерал с пышными черными усами под широким носом. Как и братья Гуцериевы, вызванные сюда просто от отчаяния, Аушев числится среди личных врагов Путина. Как и их, генерала не пускают в здание антикризисного штаба, где заседают путинские назначенцы. С этого момента Аушеву приходится звонить и руководить прямо стоя во дворе.

Аушев – ветеран афганской войны. Считается, что у него особые контакты с чеченским подпольем. Когда он был президентом – с 1992 по 2001 год, – Ингушетия превратилась в район, где отсыпались и отдыхали изможденные чеченские партизаны. Если кого-то из них здесь и арестовывали, то тут же отпускали. Аушев воевал вместе с Асланом Масхадовым задолго до того, как тому, президенту Чечни, в 1999 году пришлось перейти на нелегальное положение.

С того самого момента, как Владимир Путин стал президентом, дружба этих удельных князьков на Северном Кавказе ему не нравилась. В апреле 2002 года он привел к власти в Ингушетии генерала спецслужб Мурата Зязикова, в лояльности которого не сомневался. Он надеялся получить надежный западный фланг в длившейся к тому моменту уже два с половиной года второй чеченской войне. Но Путин просчитался.

Результатом его манипуляций с властью стало приближение линии фронта в войне федеральной власти против повстанцев на Северном Кавказе углубляется на запад. Попытки федеральных властей силой навести порядок на земле Ингушетии, только обостряют положение.

Обыски, зачистки, аресты – весь арсенал опробованных в Чечне средств – теперь применяется ФСБ и войсками МВД и в Ингушетии. Только с января по сентябрь 2004 года в республике, население которой 470 тысяч человек, бесследно исчезли 47. Одновременно поступают сведения, что во всех районах республики усилился приток молодежи в радикальные и хорошо финансируемые кружки ваххабитов.

Граница фанатизма сдвигается к западу. А с нею и война на

Кавказе.

ШКОЛА #1. СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Заурбек Гутиев, отставной учитель и ветеран Сталинграда, видит все как в тумане. Уже 30 часов ни капли воды, ни крошки еды. Своих больных ног он почти не чувствует. В зале жара, как в сауне. Воздух таков, что дышать невозможно – сплошной запах экскрементов. Дети все чаще требуют воды, кричат все громче. Они просят, чтобы взрослые мочились в бутылки – чтобы это можно было пить.

Гутиев все еще держит завернутым лацкан своего пиджака. А то террористы увидят его ордена. Он по-прежнему не снимает шляпу. Но он не потеет. Его знобит. Он как рыба, выброшенная на берег – взгляд туманный, происходящего почти не понимает. Он чувствует, как им овладевает безразличие к судьбе. Уже почти нет сил хотеть выжить.

Он слышит голос девочки: "Заурбек Харитонович, откройте рот!" Сначала он девочки не видит, она подползла к нему справа. Он только слышит голос. Незнакомая девочка. Он думает: "Достала чего-то попить. Наверно, даст воды". Он открывает рот, полный зубов из чистого золота. Добрая работа советских времен, сделал 30 лет назад в Краснодаре. Он наклоняет голову назад, глотает.

Три глотка. Что-то теплое, кислое, горчит. Он глотает мочу из рук девочки, которую не знает. Она выжимает тряпку, чтобы капли попадали ему в рот. Ему хочется плакать, как плачут дети вокруг. Но ведь он взрослый, бывалый солдат, 200 дней и 200 ночей в Сталинграде. Приходит мысль: "То, что здесь – пострашней. Эти тут – хуже, чем все фашисты вместе взятые".

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

В Беслан прибывает Владимир Яковлев, уполномоченный Путина по югу России, бывший мэр Санкт-Петербурга. С начала кризиса прошло почти 30 часов. Аушев звонит по мобильному телефону старому соратнику Ахмеду Закаеву в Лондон, где тот представляет находящегося в подполье чеченского президента Аслана Масхадова.

Закаев, по следам которого гнались московские спецслужбы,

получил в Лондоне политическое убежище и наладил комфортабельную жизнь. С тех пор, как его поддерживает британское правительство, и он считается дипломатическим представителем рассеянной по всему миру чеченской диаспоры, Закаев носит темные костюмы и серебристые галстуки, у него резиденция на Лестер-Сквер недалеко от парламентского и правительственного квартала. Администраторы в его бюро теперь англичане.

В этот четверг, когда звонит Аушев, он как раз вышел из своего офиса, чтобы в студии Би-Би-Си дать интервью о драме с заложниками в Беслане. Его мобильник отключен. Связь удается установить лишь со второй попытки. Аушев передает трубку ветерану политического фронта Дзасохову, который в 1999 году, когда начиналась вторая чеченская война, приютил в своей республике жену и дочь Масхадова. Они знакомы, уважают друг друга, у них свои счеты.

Потому Закаев обещает по каналу "для экстренных случаев" связаться с Масхадовым и передать ему просьбу. Теперь Дзасохов опять звонит Путину. Российский президент готов вести переговоры о том, чтобы выпустить арестованных террористов, если за это из спортзала будет выпущено "значительное число" детей. Глава России просит антикризисный штаб сделать все, чтобы не подвергать детей опасности.

В азербайджанской столице Баку в это же время разыскивают некоего "Али", чтобы через него установить связь с чеченским президентом Масхадовым. Быстро становится ясно, что Масхадову нужны гарантии безопасности. Его предшественник Дудаев был убит после того, как россияне через сигнал спутникого телефона узнали, где он находился. Так рисковать Масхадов не хочет. Он выходит на связь через интернет.

В военном крыле антикризисного штаба тем временем укрепляется убеждение, что террористы в школе уж не такие неизвестные люди. Сейчас задача – максимально сократить ущерб для авторитета собственных войск. Командующий спецназом ФСБ в 15 часов 20 минут требует, чтобы Восьмая армия подтянула танки и бронетранспортеры.

В гражданском крыле штаба настроение радостное – террористы согласились пустить к себе Руслана Аушева. Будет прямой контакт. Есть надежда.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 15 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Переговорщик Руслан Аушев надевает шлем и черную накидку – он отправляется в школу. Он пересекает двор, идет к большой створчатой двери в спортзал, которая открывается навстречу ему. Он останавливается на пороге. Он спрашивает захватчиков, узнают ли они его. Узнают.

На этот случай все террористы одели маски. Прибытие Аушева они снимают на видеокамеру. Они передают Аушеву новый список требований, адресованных "его превосходительству президенту Российской Федерации Путину рабом Аллаха Шамилем Басаевым".

"Полковник" говорит Аушеву, что правительство может собрать во дворе и расстрелять всех родственников тех, кто захватил школу. Это не изменит их решимости настаивать на своих требованиях. Директор школы успевает сказать Аушеву, что заложников около 1200. Один из захватчиков поправляет ее и говорит, что их 1020.

Все это время Аушев держит обе руки у головы, как если бы он был охвачен ужасом. Ему разрешают забрать заложников. Он покидает школу с 12 женщинами и 15 грудными детьми. Одна из женщин передает своего ребенка другой женщине, сама возвращается – в зале еще двое ее детей. Одна из бабушек, которой разрешили уйти с внуком, остается, потому что второй внук по-прежнему в заложниках. Весь мир обходит фотография, на которой Аушев стоит около своей машины, на заднем сидении которой обнаженный грудной ребенок.

В антикризисном штабе анализируют список требований террористов. Текст написан на странице, вырванной из тетради по математике. В нем масса орфографических ошибок. Захватчики требуют окончания войны и вывода российских войск из Чечни, принятия Чечни в качестве независимого государства в СНГ, введения рубля в качестве валюты и использование миротворческих войск СНГ в Чечне.

Требования из разряда тех, что в короткое время выполнить невозможно.

БЕСЛАН. БОЛЬНИЦА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Дирекция больницы организует свой кризисный штаб из 10 врачей. Они понимают, что в школе в опасности находятся более 1000 человек и что скоро может потребоваться помощь врачей. На официальную цифру 354 заложника они не обращают внимания.

В Беслане 5 операционных и 15 хирургов. Можно освободить

215 коек, если удалить всех пациентов, состояние которых не является угрожающим. Если вызвать всех врачей района, в распоряжении будет человек 200. У 23 врачей больницы дети оказались заложниками в школе. В заложниках 10 медсестер. И одна из их коллег – Лариса Мамитова

В трех больницах Владикавказа тоже подготовлены койки, приведены в готовность операционные, дежурят несколько десятков врачей. Всего на второй день захвата заложников, в Беслане и Владикавказе в четырех больницах в готовности 1045 коек. Указания директорам больниц поступают напрямую из Москвы, из учреждений Минздрава.

То самое правительство, которое в официальных заявлениях говорит о том, что число заложников где-то между двумя и четырьмя сотнями, позднее – называет число 354, добивается, чтобы одновременно для жертв готовилось более тысячи коек.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Ситуация складывается скверно. Правительственным переговорщикам не удается продвинуться ни на шаг вперед. Хотя переговоры с террористами они ведут практически непрерывно. Распространяется слух, что боевики накачались наркотиками, что они глотают таблетки, чтобы не заснуть, что они принимают средства, чтобы в решающий момент взорвать бомбы в спортзале и самим погибнуть. Позднее генеральная прокуратура с полной серьезностью заявит: "Люди, взявшие заложников в Беслане, были бандой наркоманов, которые в конце концов стали совершать ошибки из-за явлений абстиненции".

Но человек, отвечающий на телефонные звонки, явно в полном сознании. Когда педиатр Рошаль обращается к нему с какой-либо просьбой или задает вопрос, собеседник отвечает спокойно и без промедления.

"Ведь вы и ваши люди – горцы, вам же знакомо чувство достоинства. Разве уважающий себя мужчина берет в заложники детей? Отпустите хотя бы самых маленьких. Пожалуйста!"

Ответ: "Нет!"

"Отпустите женщин. У вас же в заложниках достаточно мужчин".

"Нет!"

"Тогда хотя бы разрешите передать воду и питание для детей".

И в этом террорист отказывает:

"Дети объявили голодовку. Не хотят ни пить, ни есть".

"Какая голодовка? У вас там дети малые, грудные, есть! Это они объявили голодовку? Пожалуйста, пропустите меня осмотреть детей!"

"Нет!"

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 20 ЧАСОВ

В восемь вечера Заурбека Гутиева, ветерана Сталинграда, что-то вырывает из дремы. Террористы орут команды, гремят винтовками, автоматами, пистолетами. Старик видит, что оказался в группе 35-40 человек, сплошь взрослых, в том числе пожилых женщин и мужчин, которых выводят из спортзала, через узенькую дверь их гонят к залу для бокса. Через маленький закуток в маленькое помещение рядом со спортзалом, где стоят брусья, турники, гимнастические кони.

Гутиеву этот зал знаком. Здесь раньше тренировались боксеры. Он знает, там должна быть раздевалка с душем и умывальником, с водой. И действительно, террористы открывают дверь и впускают Заурбека Гутиева. Он бросается к умывальнику, пьет, сколько может, глотает, втягивает в себя воду, по телу разливается свежесть. Его отталкивают назад в боксерскую, свет гаснет.

Гаснет свет. Для тех 35 или 40 человек это жуткий сигнал – сигнал грозящей смерти. Гаснет свет, и 35 или 40 заложников слышат, как щелкают затворы винтовок, как вставляют магазины и рожки, слышат тихие скрипучие голоса.

В эти секунды все говорит за то, что предстоит массовый расстрел. Заурбека Гутиева охватывает страх, что его расстреляют во мраке этого спортивного зала. От ужаса у него недержание, в свои 84 года он вдруг понимает, что ужасы войны – еще не предел. Слепой садизм этого террора превосходит все, что довелось ему пережить в те 160 дней и 160 ночей Сталинграда. У этих мучителей ничего человеческого нет. Их зверство не знает пределов.

Они не стреляют. Они упиваются своей властью над жизнью и смертью. Они говорят: "Сесть! Молитесь своему Богу!" Заурбек Гутиев не молится. Он надеется на чудо, хотя в следующую секунду ему кажется, что все пропало. Наступает ночь. 35 или 40 заложников не спят во мраке маленького спортзала. Они будут так сидеть до шести утра следующего дня, когда их снова переведут в большой зал. Они сидят 10 часов.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ВЕЧЕР

Правительственный переговорщик Леонид Рошаль откладывает трубку в сторону. Только что он сказал захватчикам в школе о новом предложении:

"Мы хотим предоставить вам возможность выйти из школы. Сделаем коридор – отсюда до Чечни. Вас никто не будет атаковать. Можете взять с собой заложников". В ту секунду, когда Рощаль заканчивает говорить, он слышит ответ: "Нет!"

"Они на переговоры идут еще хуже, чем та банда в театре", – думает Рошаль. И: "Они извлекли уроки. Они знают, что находятся в беспроигрышном положении – им нечего терять. Примет правительство их требования – они выиграли. Не примет – солдаты будут штурмовать школу, взорвутся бомбы, погибнут осетинские дети – от рук ингушских и осетинских шахидов-самоубийц. И это будет победой террористов, языка насилия, будет работать на экспорт чеченской войны в соседние кавказские республики". Так думает Леонид Рошаль, доктор.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. ПОСЛЛЕ 22 ЧАСОВ

Кто-то из детей теряет сознание. У одного из семиклассников начинается эпилептический припадок. Родители в отчаянии передают детей вперед, ближе к проходу, и умоляют террористов дать им попить. Террористы угрожают застрелить детей и палят в потолок.

В зале такая жара и теснота, что некоторые из заложников укладываются спать на пакеты из-под взрывчатки, прямо под большими бомбами в баскетбольных корзинах. Доктор Лариса Мамитова в этот вечер не находит где прилечь между заложниками. Она спрашивает террориста, можно ли ей лечь на кучу, сложившуюся из брошенных сумок. Боевик разрешает. Мамитова вспоминает, что в ее сумке есть медикаменты. Она принимается искать лекарства по сумкам. Один из террористов это замечает, но делает вид, что не видит.

У многих детей поднялась температура. Мамитова раздает, что удалось найти по сумкам – таблетки от сердца, аспирин, обезболивающее. Из задних рядов кричат, что им тоже нужны медикаменты. Мамитова спрашивает, какие. "Любые! Нам все

равно". Сын Мамитовой Тамерлан и сын одного коллеги из больницы в эту ночь держались рядом с ней. Ребята говорят, как они хотят пить. Им по 13 лет. Они боятся погибнуть.

БЕСЛАН. УЛИЦА КОМИНТЕРНА, УГОЛ ЛЕРМОНТОВСКОЙ. НОЧЬ

На блокпосту день тянулся ужасно долго. Роман Алиев, патрульный милиционер и 30 его коллег должны следить за толпой – за родственниками, которых тут собралось уже сотни, может быть, даже тысячи. Временами у шлагбаума грозит разразится паника – люди умоляют милиционеров ничего не предпринимать, ни в коем случае не штурмовать.

Роману Алиеву точно не известно, о чем речь. Штурма никто не планирует, милиционеры – уж точно. Люди только повторяют то, что слышали по телевидению. Что террористы готовы на все, что за одного своего убитого они расстреляют 50 заложников, и другие страсти. Роман пробует успокаивать людей.

Наступает ночь. Ночью спокойней: меньше родственников – они расходятся, идут поесть, пытаются поспать. Роман Алиев и его коллеги делят лаваш, режут на куски сыр и усаживаются под орешником и каштанами поесть. Они спят по очереди.

Алиев не спит. На его посту появляется большой начальник. Какой-то полковник из Владикавказа. С ним – начальник милиции, люди из антикризисного штаба, политики. Они говорят: "Этот пост больше не нужен, уберите заграждения. Мы сейчас ведем переговоры и, вероятно, дадим им коридор для отступления. Ни в коем случае не задерживать и не стрелять. Вероятно, они возьмут с собой заложников".

Милиционеры собираются в группу, чтобы уйти с позиции. Со стороны они выглядят как шайка разбойников на какой-то гражданской войне. Половина в милицейской форме, другая половина – в гражданском. У тех, что в форме – фуражки, кители разные, разные пояса, кто-то в сапогах, кто-то – в кроссовках. У некоторых табельное оружие, калашниковы, у других – винтовки из личных запасов, потому что в отделениях милиции оружия оказалось недостаточно. В таком виде они и отходят.

Они идут к ближайшему железнодорожному переходу и собираются там ждать. Переход простреливается из школы. И действительно, в их направлении стреляют пару раз. Милиционеры уходят в прикрытие и наблюдают за школой.

Они видят, как через ворота школы выходят трое

террористов. Они с оружием, начеку, винтовки наготове. Они проходят несколько шагов. Похоже, они решили посмотреть, как обстановка. Алиев слышит, как они все трое кричат "Аллах велик!" Они стреляют в воздух и снова исчезают в здании школы. Алиев ждет. Теперь, кажется, террористы должны скоро уйти. Он ждет, что скоро подъедут машины. Но ничего не происходит. Четверть часа он ждет, и не происходит ничего. Потом его отряду поступает новый приказ: вернуться на позиции на углу Лермонтовской и Коминтерна. Под выстрелами, но под покровом ночи, они возвращаются. Похоже, коридора не будет.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. ПОЛНОЧЬ

Фатима, фотограф местной газеты, продвигается ползком между заложниками вблизи того помещения, где гимнастические снаряды, который рядом с коридором, ведущим от тренировочного зала к главному. Она видит, что в зале, где гимнастические снаряды, террористы по очереди ложатся спать. "Я же журналистка", – размышляет она. – "Должна все подмечать". Но у выхода из тренировочного зала дышать вообще нечем. Фатима задыхается. Ночью она подползает к окну и укладывается на подоконнике. Заснуть не удается. Поначалу была надежда, что террористы хотя бы детей отпустят. Теперь она не верит, что ей удастся выжить. Приходит мысль, что лучше смириться с судьбой.

Она лежит на подоконнике и вспоминает Сенеку. "Нужно размышлять о смерти, чтобы не бояться ее", – прочла она однажды у него. "Ибо мы боимся не смерти, а мыслей о ней". Фатима больше не боится смерти, не боится она и мыслей о ней. Но она боится, что смерть может быть долгой и мучительной.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. ПОЛНОЧЬ

Командующий 58-й армии, генерал-лейтенант Виктор Соболев, передал спецназу ФСБ шесть БТРов, а из Владикавказа подошли танки. Одновременно в гражданском крыле штаба спикер Северо-Осетинского парламента Мамсуров и депутат думы Рогозин набросали проект соглашения с террористами. Суть бумаги – переговоры федерального руководства с Масхадовым, план автономии для Чечни и поэтапный вывод войск.

По окончании трудов авторы, в компании шефа

североосетинского национального банка и сенаторши из Москвы, подкрепляются – налегают на курочку и осетинский пирог. Мамсуров с Рогозиным разобрались с одной бутылкой водки. Из школы, до которой 200 метров, слышны выстрелы. Опять. Это террористы с крыши стреляют в ночь. Просто чтобы не соскучиться.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ 3 СЕНТЯБРЯ

БЕСЛАН АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 7 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Ночь выдалась короткой. До двух часов шли переговоры с захватчиками. Теперь переговорщики снова пытаются добиться передачи в школу медикаментов, воды и питания. Задача в том, чтобы хоть как-то смягчить страдания заложников, хоть как-то восстановить нормальность среди этого безумия.

Человек на другом конце провода, вероятно Хучбаров – "Полковник" все время повторяет один и тот же ответ: "Заложникам не нужны ни вода, ни еда. Они объявили голодовку своему правительству".

По приказу антикризисного штаба расширена зона безопасности вокруг школы. Семьи заложников, журналисты, приехавшие из разных стран, должны еще отойти на один, на два ряда зданий от центра событий. Лев Дзугаев, пресс-секретарь североосетинского президента, обсуждает с собравшимися, как быть с числом заложников. Решение такое: и дальше скрывать. Лишь спустя пять часов Дзугаев скажет, что число заложников "по последним сведениям превышает 354".

После долгих телефонных бесед ингушскому бизнесмену – нефтянику Гуцериеву, который постепенно становится главным переговорщиком, удается убедить террористов, что трупы со школьного двора и с полосы зеленых насаждений на Коминтерновской нужно убрать. Некоторые из тел уже двое суток лежат под открытым небом на солнце и дожде.

БЕСЛАН КВАРТИРА МУРАТА КАЗАНОВА. 8 ЧАСОВ 00 МИНУТ

В доме Мурата Кацанова тихо. Хозяин худощавый смуглый брюнет лет 45, с проседью, с усами. Взгляд его янтарных глаз направлен вниз на школу. Он живет с семьей в бараке на улице Батагова, 37. Западный угол дома примыкает к территории школы. У Кацановых двухкомнатная квартира на четвертом этаже. За окнами жилой комнаты лоджия. Отсюда как на ладони

школьный двор – виден спортзал, видны все здания.

Одна из двух дочерей – там, в школе, уже два невыносимых дня и две ночи. Ее зовут Алана, ей 15 лет. Вместе с матерью она прошла эти несколько шагов до школы, чтобы начать девятый учебный год в школе. В это время появились бандиты. Жена Кацанова, была от Аланы далеко. В суматохе первых минут жене удалось спастись. Дочери не удалось.

Мурат Кацанов не из тех, кого легко вывести из равновесия. Жизнь научила его быть жестким, крепко стоять на ногах. В конце 70-х он служил в десантных войсках. После этого занимался боксом и борьбой. Сейчас он зарабатывает, эвакуируя аварийные машины. Он привык к несчастным случаям. Но то, что происходит сейчас, ни с чем не сравнить, Кацанов чувствует, как подымается тупая ненависть. Мука ожидания, которой он не знал.

Из его дома все жильцы выселены. Осталась только его семья. Выйти через переднюю дверь невозможно – эта зона простреливается. Но по крыше можно подойти к задней лестнице и по ней спуститься на улицу. Уже приходили милиционеры – их было около дюжины. Сидели на широком диване, разрисованном павлинами, угощались чаем, много звонили, в сторону школы почти не смотрели. Играли пультом дистанционного управления телевизора "Голден Ай", слушали российскую программу новостей. Потом встали и ушили. И больше не возвращались.

Телевизор до сих пор включен. Каждый час передают новости. Говорят все время, что заложников от двух до четырех сотен. В Беслане каждый знает, то это вранье. Для Мурата Кацанова оно звучит как издевательство. "Там одних первоклассников с родственниками больше трехсот", – думает он. – "Правительство пытается заранее занизить цифру, чтобы после освобождения не признавать, как много оказалось жертв. Казанов поднимается на крышу барака – длинной с половину футбольного поля и шириной с половину теннисной площадки. Там наверху сидят люди – другие соседи. Они курят. Барак выше школы. С крыши школы человека нормального крупного роста на крыше барака не увидеть, тем более в него не попасть из винтовки.

С крыши барака видна вся диспозиция. На юго-западе находится здание школы, в 35-40 метрах по прямой, спортзал. На востоке маленьким кубиком стоит здание бесланского отделения милиции – серого, в три этажа, на каждом этаже двенадцать окон. Отсюда до него метров сто. На западе видно здание мэрии. Правее – Дворец культуры. От школы до обоих метров 200-250.

В Беслане все расстояния невелики. Здесь каждый знает каждого. На юге поднимается главная кавказская гряда. И до нее,

кажется, рукой подать. Могучие горы с вершинами до пяти тысяч метров. Среди них – двойной горб Казбека, покрытый вечным льдом. Мурат Кацанов стоит и курит.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. УТРО

Террористы не пускают детей в туалет. Врач Лариса Мамитова спрашивает, можно ли выводить хотя бы тех детей, которые уже еле дышат. Террористы отвечают: "Нет. Пусть подыхают".

Они послали Мамитову искать по зданию пластиковые бутылки, чтобы дети в них мочились. Несколько бутылок Мамитова находит. Когда она возвращается в зал, всем кажется, что она принесла воду. Люди кричат, просят пить. Когда видят, что бутылки пусты, воют от отчаяния. Террористы стреляют поверх их голов.

Мамитова просит, чтобы ее отвели к Полковнику. Он сидит на втором этаже в кабинете директора. Она просит разрешения позвонить своей коллеге в больницу. "Она – женщина разумная", – говорит Мамитова, – "она объяснит властям, как плохо со здоровьем детей". Полковник соглашается. При условии, что разговор будет по-русски.

Мамитовой разрешают позвонить из учительской. Это соседняя комната. До коллеги она не дозванивается, приходится все рассказывать медсестре: в каком жутком состоянии дети, что медикаментов не осталось совсем. Пусть передаст властям, что будет катастрофа, если в ближайшее время детям не помочь. Мамитова возвращается к заложникам и разговаривает с директором школы. Нужно что-то сделать, нужно что-то предпринять, говорит она. Мамитова вспоминает, что среди заложников – двое детей председателя североосетинского парламента Мамсурова. Директор, подводит ее к детям. Мамитова берет детей за руки и с ними отправляется к Полковнику. Она спрашивает, можно ли им позвонить отцу. Полковник соглашается.

Мамитова дозванивается до заместителя президента в антикризисном штабе в здании мэрии Беслана. Она рассказывает про катастрофическое положение заложников. Она говорит, что захватчики становятся все агрессивней и что, чтобы предотвратить катастрофу, времени остается совсем чуть-чуть. Потом она передает трубку одному из сыновей. Тот умоляет отца сделать все, чтобы освободить заложников.

БЕСЛАН. КВАРТИРА МУРАТА КАЦАНОВА. 10 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Предприниматель Мурат Кацанов возвращается домой с покупками. Он купил блок сигарет, два арбуза. В его квартире сидят шестеро соседей. Они курят. Держат совет. У всех у них вместе в спортзале сейчас больше дюжины родственников. Из дома 37 в заложники попали почти 60 человек. Ожидание невыносимо.

Телевизор все работает. Новости. Ничего нового. Как всегда, ничего, чего бы они не видели лучше из собственных окон. Телевидение по-прежнему талдычит про 354 заложника.

Вокруг школы видны подразделения милиции. Обычная милиция, но и спецназ МВД, ОМОНовцы, МЧСовцы, – пестрая мешанина российских униформ на фоне БТРов, пожарных машин, скорой помощи.

Дома, что ближе к школе, уже эвакуированы. Но силы безопасности их не заняли. Важнейшие стратегические точки – такие, как крыша дома, где живет Казанов, да и другие крыши в округе, остаются незанятыми. Снайперы сидят где-то в других местах. На плохих позициях, где-то по соседству, совсем не там, где, по мнению Казанова и его друзей, им следовало бы находиться.

Во второй половине дня в квартире Кацанова появляются спецназовцы. Их четверо. Они из группы Альфа. Двое из них устанавливают пулемет на внутреннем окне жилой комнаты, потому что к внешнему окну лоджии подойти не отваживаются. Кацанов спрашивает, почему они не заняли позиции на крышах, почему там нет снайперов, какие планы вообще. Ребята из Альфы ничего не знают.

ШКОЛА #1. ВТОРОЙ ЭТАЖ. 12 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Один из террористов берет Ларису Мамитову с собой на второй этаж. Он спрашивает: "Крови и трупов боишься?" Мамитова отвечает: "Я врач. Как могу бояться крови и смерти?" Террорист ведет ее к кабинету литературы. Она видит кровь на стенах. На полу. Террорист говорит, что скоро подойдут МЧСовцы, чтобы забрать трупы.

"А где трупы?"

Террорист подводит ее к окну. Из окна Мамитова видит гору трупов – 20 тел один на другом, засиженные мухами. Она узнает заложников, сидевших на коленях в коридоре. Она не понимает, зачем террорист эту картину показывает ей.

Мамитова возвращается в спортзал. Она видит, что дети пьют мочу из пластиковых бутылок. Другие мочатся на свою одежду и выжимают ее надо ртом. Воздух в зале такой горячий и вонючий, дышать заложникам почти невозможно. Все насыщено вонью экскрементов. Мамитова видит сына в другом конце зала, стоящего у окна. Она кричит, чтобы он лег. Ближе к полу воздух лучше.

БЕСЛАН. КВАРТИРА МУРАТА КАЦАНОВА. 13 ЧАСОВ

Опять бардак с новостями. Телевизор "Голден Ай" предпринимателя Мурата Кацанова показывает ничего не сообщающие картинки с камер, стоящих в неудобных местах. С улицы Коминтерна на территорию школы въезжает грузовик. В кузове стоят два МЧСовца. Машина едет медленно, почти ползет. Террористы согласились, чтобы со школьного двора забрали трупы, пролежавшие уже двое суток. На часах 13.01. Может быть, 13.02. Может быть, 13.03. Со стороны школы раздается взрыв, мощный удар. Это начало конца.

ШКОЛА #1. ЗАДНИЙ ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. 13 ЧАСОВ 03 МИНУТЫ

Фатима, фотограф местной газеты, на своем теле ощущает жар взрыва. У нее контузия, она приподнимается, наполовину выпрыгивает, наполовину вылетает из окна. Мыслей никаких – она бежит. Под ступнями осколки стекла. Она бежит через задний внутренний дворик школы, вдоль задней стены спортзала. В ушах – никаких звуков – она оглохла. Она не оборачивается, назад не смотрит. Она бежит, как вдоль туннеля.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 13 ЧАСОВ 05 МИНУТ

В штабе паника. Президент Дзасохов причитает: "Для меня это конец!"

Переговорщику Гуцериеву удается еще раз дозвониться до школы. "Что вы там сделали?" – кричит он. Воздух сотрясает второй мощный взрыв. Затем выстрелы винтовок. Звуки хаоса, доносящиеся досюда. "Вы нам врали", – слышится ответ.

"Но штурма нет!" – кричит Гуцериев. Террорист на другом конце провода обрывает разговор: "Все. Мы взрываем".

Наступает хаос, но трудно понять, что стало причиной. Ясно только, что первый взрыв в зале, который вызвал все последующие реакции, произошел в одной из баскетбольных корзин и совпал с подъездом грузовика с МЧСовцами. В его кузове стояли двое, которые должны были забрать трупы со школьного двора.

Тезис, по которому согласованная с захватчиками акция по вывозу погибших была использована спецслужбами или другими вооруженными частями как прикрытие для штурма, никакого подтверждения не находит. И предположение, что таким могло быть намерение террористов – положить конец своей операции, тоже ничем не подтверждается. Впечатление такое, что одна из многочисленных бомб в спортзале взорвалась случайно – или потому, что отлепилась клеящая пленка, которой бомба была прикреплена, то ли потому, что где-то ослаб крепеж, или где-то случайно замкнулся контакт, или один из беспорядочных выстрелов боевиков попал не туда.

Во всяком случае, из зала слышны были три сильных взрыва. Между первыми двумя был перерыв небольшой, а третий раздался минут 20 спустя. За ним последовало много мелких, неопределенных. Непосредственно после первых двух взрывов заложники стали вырываться на свободу через разбитые окна и бежать – сначала поодиночке, потом десятками, по территории школы, спасая свои жизни. Они бежали к соседним домам, в прилегающие улицы, а сзади по ним стреляли террористы. Но опасность грозила и спереди – погибнуть можно было и под перекрестным огнем сил, выставленных государством и тех, кто пришел на собственный страх и риск, федералов и неофициальных сил.

Последних средства массовой информации называли ополченцами. На самом же деле это были родственники заложников, доставшие из домашних шкафов оружие и стоявшие наготове. Можно не сомневаться, что кто-то из них попадал и в своих. И в том, что и без того хаотическую ситуацию они только усугубили. Почему вообще их так близко подпустили к школе – останется тайной командующих силами безопасности.

Вокруг школьной территории в эти минуты занимали позиции спасатели, машины скорой помощи, пожарные машины, милиция и частные автомобили. Все они подбирали спасшихся людей и в челночном режиме отвозили в бесланские больницы.

В 13 часов 30 минут обрушилась крыша спортзала, загорелось целое крыло здания. Гасить огонь поначалу было совершенно невозможно, со всех сторон шла стрельба. Лишь медленно силам безопасности удается продвинуться по территории двора в здание школы. Позднее для прикрытия выдвинут БТР. Эта бронемашина перед окнами горящего спортзала будет видна и в новостных передачах по всему миру

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 13 ЧАСОВ 09 МИНУТ

В момент первого взрыва у Ларисы Мамитовой почернело перед глазами. Она была без сознания и когда взорвалась вторая бомба. Придя в сознание, она обнаружила, что находится на другом конце спортзала – там, где в последний момент видела сына. На ней только пояс и нижнее белье, от брюк и блузки остались лишь клочья. Она чувствует жуткую боль в спине. Поднимает голову и видит, что бомб на баскетбольных корзинах больше нет.

Вокруг нее на полу раненые. Все куда-то ползут. Один из террористов стреляет в воздух. Часть крыши рухнула. То, что осталось, горит. Она оборачивается и видит, как кто-то из террористов натягивает на себя белую футболку и направляет винтовку на нее. Она падает, прикидывается убитой.

Мысль одна: где Тамерлан, надо его найти. Эта мысль заставляет ее встать, она слышит, как снаружи кричат дети, так громко, что ей приходит мысль: их расстреливают по одному. Она ищет сына там, где перед взрывом видела его. Но перед ней только погибшие дети.

Лица их бледны, глаза и рты открыты, они жутко похожи друг на друга. Она берет их на руки, одного за другим. Не может понять, есть ли среди них ее сын. Она больше не смотрит на лица, она ищет сына по одежде. В ее руках – погибший мальчик, похожий на ее Тамерлана. Но носки на нем другие. Она берет на руки еще одного мальчика, но на нем чужие брюки. Она ищет шрам на лбу, какой был у Тамерлана, длиной три сантиметра. Как-то однажды камень попал ему прямо меж бровей. Но ни на одном из бледных лиц этого шрама она не находит.

Террористы палят вокруг себя и орут, чтобы заложники

спускались в подвал. "В подвал, все в подвал!" Но Мамитова пробирается в боксерский зал рядом со спортзалом в надежде найти Тамерлана там. Не находит. Силы покидают ее, она рыдает.

ШКОЛА. ЗАДНИЙ ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. 13 ЧАСОВ 15 МИНУТ

Фатима добегает до забора школьной территории, это рядом с гаражами на улице Сослана Батагова. Она перелезает через большую трубу. Потом через железные ворота. Она бросается на землю между двумя гаражами и прикрывает себя доской. Она слышит крики и начинает молиться. Доносятся выстрелы. Она слышит свист пролетающих пуль. Слышит, как пули пробивают стены гаражей. Она видит, как с акации опадают листья.

На секунду стрельба прекращается, и она слышит осетинский голос. "Это мой шанс", – думает она и зовет на помощь. Кто-то стучит по стене между гаражами. Она перелезает через нее и падает в руки мужчины. Он доносит ее до солдата, ее укладывают на носилки. Она видит над собой голубое небо. Она еще не может поверить, что жива. Ее задвигают в машину скорой помощи.

ШКОЛА #1. СПОРТЗАЛ. 13 ЧАСОВ 20 МИНУТ

После большого удара Заурбек Гутиев, отставной учитель и герой Сталинграда, ощущает жжение на спине, как будто бы горит рубашка. С потолка вниз летят тлеющие обломки. Один попадает ему на шляпу, один застревает у него в пиджаке. Мир вокруг него разваливается на части, здесь и погибель, и спасение. Кто-то бежит, кого-то тащат. Все сплетено с выстрелами и новой угрозой. Он видит, как террористы расстреливают детей – прямо перед его глазами они расстреливают маленького мальчика и девочку. Совсем вблизи. Он чувствует огонь со всех сторон. Гутиев встает. На не слушающихся ногах пытается двигаться, как изгаженное пугалище. Он бредет к тому ряду окон, которые выходят на передний двор. Но подоконники здесь высокие, а ноги у него не работают, ему не подпрыгнуть. Он слышит выстрелы. Его нос чует запахи, которых лучше себе не представлять. Но пугает огонь. Огонь гонит его, он обеими руками поднимает свою правую ногу на подоконник. Теперь он наполовину лежит, подтягивается руками к внешнему краю, как-то подтягивает вторую ногу и вываливается наружу. Он падает всего метр и

падает мягко – на тела, лежащие под окном.

А внутри террористы гонят заложников из зала. Перед собой они гонят детей – в главный коридор. Террористы стоят вдоль стен справа и слева и гонят толпу. Группа человек 20 детей во главе с Аликом Цаголовым, учителем физкультуры, успевает убежать наверх, на второй этаж в актовый зал. Несколько мгновений там не видно ни одного боевика.

БЕСЛАН. КВАРТИРА МУРАТА КАЦАНОВА. 13 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Дом Мурата Кацанова содрогается от трескотни пулемета, из которого стреляют солдаты Альфы. Вдоль лоджии летят щепки, которые откалывают попадающие по касательной выстрелы. Вокруг бесланской школы #1 шум войны.

С другой стороны, с улицы Коминтерна, от железной дороги, все это выглядит как запланированный штурм. Подъезжают два танка, с ними – бронемашины, на позиции выходят гранатометы и огнеметы. Оборудования для спасения не видно, только орудия для войны. Кружат боевые вертолеты МИ-24.

По двору бегут, ползут дети и старики в разных направлениях. От спортзала бегут девочки, матери – почти без одежды. Семеро друзей в квартире Казанова сначала бросились на пол. Теперь они поднимают головы. Они видят: власть террористов рухнула, заложники вырываются на свободу. Они видят, как рушится крыша зала, как все превращается в руины. Они видят, что нужно действовать.

Друзья несутся вниз, двое альфовцев с ними. Еще раз они идут дальним путем через крышу. Внизу стоят военные спецназовцы. Кацанов подходит к офицеру Альфы и предлагает помощь. Он говорит: "Я могу показать дорогу. Можно пройти через гаражи. Оттуда есть вход в тренировочный зал за спортзалом. Оружие дайте. Я покажу дорогу".

Офицер не смотрит на него. Казанов повторяет свою просьбу. Он говорит: "Ну, давай же! Дай людей! Я покажу дорогу". Офицер говорит ехидно, обращаясь к подчиненному: "Дайте ему успокоительного".

Кацанов отворачивается от офицера. Отсюда далеко до центра событий. На свой страх и риск он идет к школе, и двое альфовцев с ним. Еще двое соседей. Они бегут вдоль барака к территории школы.

Они бегут согнувшись. С крыши школы по ним стреляют.

Метров 20 нужно пробежать по простреливаемому участку. Они добегают до гаражей, останавливаются у закрытого на щеколду сарая Эльбрума Тохтиева. Казанов знает, что есть задний выход, ведущий прямо к окнам тренировочного зала.

Три окна. На них решетки. Небольшой отряд Казанова двигается дальше ползком, на коленях. Забор из рабицы дерет их рубашки. Они останавливаются у самого правого окна, низко приседают. Они пытаются выломать решетки. Изнутри никакой реакции. Потом они встают, упираются в стену, наконец, вырывают решетку, прорываются в школу – солдаты Альфы впереди. В одном углу сидят 15 заложников – грязные, застывшие от ужаса, но живые. Среди них – Лариса Мамитова.

Спасители тащат к окну лавку, чтобы легче было выбираться. Соседи Казанова выводят людей из здания. За несколько минут им удается спасти первые 15 жизней. Лариса Мамитова не хочет уходить, она хочет назад – искать сына. К ней подбегает брат Борис. Она слышит: "Тамерлан жив. Он уже дома". Мать не верит. "На самом деле", – говорит Борис. – "Тамерлан жив". Только теперь она вновь ощущает боль в спине.

Она опускается на носилки, ложится на живот, ее везут в бесланскую больницу, делают обезболивающий и успокоительный уколы. Ожоги на спине и на ногах такие сильные, что ее переводят во Владикавказ. В левом ухе она чувствует боль от осколка. Но Тамерлан жив. И сама она жива. Лариса Мамитова спасена.

ШКОЛА #1 ШКОЛЬНЫЙ ДВОР.13 ЧАСОВ 35 МИНУТ

Выстрелы. Пламя. Заурбек Гутиев лежит под окном спортзала. Он не в силах пошевелиться. А нужно подниматься. Он говорит себе: "Ну, вставай же, старый хрен!" Он чувствует жжение на спине. Может быть, рубашка горит? Боль становится все шире. Заурбек заставляет себя идти по прямой – дальше от этой пытки, от этого спортзала. Идти далеко. Нужно метров 40-50 пройти. Может быть, даже 60. Но это ужасы знакомые. Ужасы войны он не забыл. Он пересекает двор, добирается до домиков, стоящих напротив спортзала, кто-то льет ведрами воду ему на спину. Он попадает в объятия спасателей, четверо уносят его. Заурбек Гутиев спасен. 160 дней, 160 ночей Сталинграда. Три дня и две ночи Беслана.

БЕСЛАН. РЯДОМ СО ШКОЛОЙ #1. 13 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Без какой-либо координации спецназовцы бросаются в пламя. Ни операций прикрытия, ни отвлекающих маневров. Мужество героев, граничащее с безумием. Позади спецназовцев местные осетинские ОМОНовцы и части федеральных войск. А еще дальше – бесланские ополченцы. Как раз они палят из всех стволов.

Момент для попытки штурмовать школу одновременно со всех сторон упущен. Следствие этого – большие потери, приходится драться один на один. Подполковник Дмитрий Разумовский и лейтенант Андрей Чуркин по кличке "Черкес" – ветераны российских погранвойск, они были на таджикской границе, участвовали во втором чеченском походе. Оба кавалеры многих орденов и медалей. Здесь они гибнут в ближнем бою.

Беслан стоил жизни десятерым солдатам из Альфы и Вымпела. Это самые большие потери в истории российского спецназа. Даже когда штурмовали дворец афганского президента в Кабуле 27 декабря 1979 года, атаковавшие отряды Зенит и Гром потеряли лишь шестерых. Ход событий в Беслане для отрядов Альфы и Вымпела оказался неожиданным. Когда начались взрывы, многие были далеко – в лагере "Спутник", и до места событий добрались с большим опозданием. В антикризисном штабе никому не могло прийти в голову, что в той жаре, какая была в зале, могла отклеиться изоляционная лента на одной из бомб, что это могло вызвать панику, что у кого-то из террористов могла поехать крыша.

Позднее один из руководителей Альфы скажет: "Был отличный план штурма, но никто не отважился принять решение".

ШКОЛА #1. БОКСЕРСКИЙ ЗАЛ. 13 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Боксерский зал отделен от большого спортзала двумя дверьми. Они ведут в тупик, в котором окно, выходящее на заднее крыло здания. Двери закрыты. Двери могут быть взрывными ловушками. Видны концы проволок, едущие куда-то. Мурат Кацанов и альфовцы решают двери не открывать. Риск непредсказуем. Они решают пробить дыру в стене спортзала. Они разбирают спортивные снаряды и штангами турника долбят кирпичную стену. Разгоняются и бьют. Раз за Разом. На это уходит минут 10-15. Состояние жуткое – ведь нужно спешить. Они понимают, что продолбили стену, только когда поднимается

облако пыли, и до них доходит неописуемая смесь запахов. Через отверстие к ним кидаются люди – дети, взрослые, старики. Отверстие слишком мало. Может пролезть только один человек.

Альфовцы кричат заложникам, видят ли они на дверях бомбы, знают ли они, где заложены мины. Они заново оценивают ситуацию. Теперь риск не кажется таким большим. Они находят проволоку и зацепляют ее за петлю двери. Они отходят как можно дальше и дергают за нее – пятеро мужчин со всей силы. Наконец им удается сорвать дверь с петель. Взрыва нет. Теперь есть проход. Один из альфовцев заходит в зал, открывает вторую дверь спортзала. Он не успел взглянуть в сторону окна. Он падает, раненый в ногу.

Люди толкаются у выхода, но толпа становится меньше. Не потому, что зал пустеет, а потому, что остались только раненые, которые не могут двигаться. Мурат Кацанов заходит в зал. Конечно, он надеется увидеть Алану, дочь. Но он не ищет ее. Он помогает каждому, кто жив.

Короткими перебежками, потому что террористы простреливают зал с задней крыши, он пробирается под подоконниками все дальше вглубь зала. Он движется как в кошмарном сне – мимо изуродованных детей, мимо оторванных рук и ног, мимо тел, разорванных животов, мимо трупов.

Тех, кто жив, он берет на руки. Тяжелых детей взваливает на плечи и выносит. Опять перебежками к той дыре в стене, которую пробили в боксерском зале. Он не чувствует под собой ног, у него сводит икры. Руки свинцовые. С десяток мужчин делают то же, что Кацанов. Согнувшись, перебежками, они вытаскивают живых – одного за другим.

Кацанов сделал уже 20 заходов, 25, 30. Пот течет по лицу. Он выносит детей и взрослых, он пробирается то туда, то обратно, вокруг свистят выстрелы, звучат крики о помощи. На полу так много тел, что приходится осторожно ставить ноги, чтобы ни на кого не наступить. Террористы стреляют даже по трупам. Без разбору они нажимают на курок, ищут все новые жертвы, жертвы, жертвы.

В середине зала, но к счастью ниже окон, в самой дальней точке от дверей Казанов видит сидящего мальчика. Ему лет 5-6. Он не ранен. Он сидит – серьезный, без движения, ни на что не реагирует. Добраться до него тяжело. Вокруг тела, обломки.

Мурат Кацанов зовет мальчика, знаками показывает ему: иди сюда, ко мне иди, мальчик! Ребенок начинает двигаться на четвереньках. Шаг за шагом он подползает к Кацанову, который присел у окна. Осталось 3-4 метра. Он вытягивает руку навстречу: ну еще чуть-чуть, давай! Но мальчик больше не может. Он

окаменел. Он остановился и не двигается. Трупы, кровь, пламя, выстрелы.

Кацанов пытается пробраться к нему. Он идет на носках, чтоб не наступить ни на кого. Он осторожно продвигает ноги по полу. Он, наконец, доходит до мальчика. Теперь он строго говорит ему: "Ну, иди! Иди к двери! Ползи давай!" С крыши все еще падают горящие обломки. Мальчик ползти не может. Казанов кричит на него. Он бьет его по попе: "Сейчас накажу тебя вот!" Но и это не помогает. Приходится Казанову взять его на руки, положить к себе на колени. А мышцы уже горят огнем. Он не может контролировать ни шагу, он наступает на мягкое и жесткое. По-другому не сделаешь, ребенка нужно выносить. Нужно к двери. У двери Кацанов снова оборачивается. Опять в зал. От центра зала к другой стороне, к двери в главное здание, где уже видны спасатели. Мурат Кацанов вынес 60 человек. Может быть, больше – может быть, 80. Вынес на свободу, вынес к жизни. Его дочери Аланы средин них нет.

ШКОЛА #1. АКТОВЫЙ ЗАЛ. 14 ЧАСОВ 00 МИНУТ

Заложники, пришедшие вместе с учителем физкультуры Цаголовым, прячутся в задние кулисы сцены. Все могло бы обойтись, если бы не тяжело раненый мальчик, которого принесли ребята. Он лежит на полу, ему лет 19-20. Он кричит и от боли барабанит пятками и руками по полу. Из ран пульсирующим потоком хлещет кровь. Сделать, чтобы он замолчал, они не могут. Он их выдаст.

Раздается голос: "Эй, вы там, за занавеской, выходите! А то перестреляю! Всем выйти!" Стволом автомата террорист показывает, куда идти. Он ведет их к столовой этажом ниже. Здесь уже собралось около 50 заложников. Захватчики возбуждены, они выкрикивают какие-то приказания. Приказывают детям сорвать белые занавески со стен. Приказывают подняться на окна и махать белыми занавесками. Приказывают кричать: "Не стрелять! Не стрелять!" Дети слушаются их, пока не раздается голос откуда-то из другого места. Этот голос сильней: "Ложись!" Видно, как террористы в панике бегут от окон. Взрыв сметает их, и вдруг никого из боевиков не остается. Только один – Нур-Паши Кулаев, Улыбчивый. Он стоит перед Цаголовым, на нем тренировочный костюм. Он понимает по-осетински, он говорит: "Я тут никого бы не убил. Они меня заставили". Он остается с заложниками, без оружия. Он хочет бежать отсюда вместе с ними.

На улице стоят танки. Учитель физкультуры Цаголов машет руками. Он и дети кричат вместе: "Не стрелять! Тут заложники!" Но стрельба скорее усиливается. В этом углу дома не спастись. Группа вместе с террористом выбегает из столовой. В шуме боя они бегут вдоль коридора до самого дальнего класса.

Как везде на первом этаже, здесь на окнах решетки. Но Цаголов не только учитель физкультуры. Он был чемпионом СССР по штанге. Сила у него и сейчас огромная. Он сдирает решетки с крепежа. Он отгибает прутья. Снаружи пурга из пуль – стреляют винтовки, пистолеты, все вперемешку, со всех сторон, милиционеры, военные, ополченцы, перекрестный огонь и со стороны террористов. Одна женщина отваживается вылезти, ее убивают. Мальчик выпрыгивает. Пуля попадает ему в затылок. Еще один мальчик выходит, пуля попадает ему в сердце, он падает. В этом хаосе не понять, кто в кого попадает. Все стреляют по всему, что движется.

БЕСЛАН. ЮЖНЕЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ 14 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Члены отряда террористов пытаются смешаться с бегущими. Они бросили оружие. Они теперь в майках и джинсах. Но и эта одежда их выдает. Заложники шли в школу в праздничной одежде, не в джинсах. Террористов легко распознать, они бросаются в глаза, как будто на них еще их камуфляжи.

Тем не менее, нескольким на короткое время удается скрыться. В потоке бегущих заложников они выскакивают на улицу Коминтерна из школы, пересекают железную дорогу. С этой стороны до границы города недалеко. Может быть, был и какой-то договор, план спасения.

Во всяком случае, там стрельба. Бегущих боевиков преследуют вертолеты. Свидетели видят, как террористов догоняют выстрелы с вертолетов. Других окружают около частных домов. Спецназовцы подбегают, расстреливают боевиков. Не похоже, что все это планировали специалисты. Непохоже, чтобы кого-то собирались арестовывать. Силовики стреляют, не задавая вопросов.

ШКОЛА #1. ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЗДАНИЯ. 15 ЧАСОВ 30 МИНУТ

Учитель физкультуры Цаголов со своей группой и с боевиком в тренировочном костюме все еще сидит под подоконником в одной из классных комнат в самом заднем конце школы. Стрельба стала послабей, но никто не отваживается поднять голову. Снаружи слышны голоса. Невозможно сказать, это свои или террористы.

Учитель физкультуры Цаголов приказывает захватчику заложников Нур-Паши Кулаеву, сидящему рядом: "Погляди, кто там! Давай!" Тот боится: "Они ж сразу стреляют!" Цаголов говорит: "Если тебя заставили, и ты все-таки согласился, то ты ничего другого не заслужил. Давай. Вперед!" Боевик идет.

Оказывается, там спецназовцы. Они помогают выбраться заложникам, детям, тяжело раненым, полуживым людям. Нур-Паши Кулаева арестовывают. Единственного из 33 террористов не расстреливают, а берут под арест. Он идет как по палубе корабля в шторм. Контузия вызвала нарушение равновесия. Когда его хватают, он кричит: "Я жить хочу! Хочу жить!"

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 16 ЧАСОВ 35 МИНУТ

Поступают разноречивые сведения. МВД Северной Осетии сообщает, что террористы разделились на три группы. Бандиты продолжают оказывать сопротивление в школе. Часть из них отстреливается, замаскировавшись под заложников. В составе этой группы и главари.

Время от времени поступают сообщения, что троих из захватчиков взяли живыми. Или двоих. Или одного. Говорят, что две шахидки переоделись медсестрами и сбежали. Говорят, что неистовая толпа линчевала одного из боевиков. Или кого-то, кого подозревали, что он боевик. Школа якобы полностью под контролем. А потом снова: стрельба продолжается.

На самом деле бой не кончился. В задней части здания террористы оказывают жесткое сопротивление. На втором этаже тоже. Несколько из них забаррикадировались в мастерской, несколько пробились в подвал, в который вход только там, сзади. Они стреляют через окна из гранатометов.

Возникают первые слухи о числе погибших. Говорят, число жертв дошло до 200. Потом до 300. Потом – еще больше. Только братья Тотиевы, живущие на улице Шаумяна и у которых вместе воспитывалось 11 детей, потеряли шестерых сыновей и дочерей. Возникают первые теории и легенды о том, как все произошло. Утверждают, что еще во время ремонта школы боевики с

помощью ингушских строителей заложили в школе несколько недель назад шесть ящиков боеприпасов.

Один тринадцатилетний мальчик рассказывает, что боевики заставили его в начале захвата вскрывать пол в школьной библиотеке, где были спрятаны ящики. Но больше об этом ни один из свидетелей не говорит. А мальчик путается, указывая время. По всем имеющимся данным, ремонт в библиотеке вовсе не производился.

С другой стороны, в полу библиотеки действительно обнаружены две большие дыры. А больше нигде в здании террористы пол не вскрывали. И действительно, по габаритам там могли уместиться ящики с боеприпасами. Почему там вскрыт пол? Почему не вскрыт больше нигде? Ничего, кроме предположений.

БЕСЛАН. БОЛЬНИЦА. 16 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Самое страшное позади. Толпа машин перед больницей становится меньше. По книгам приема, за несколько часов поступило 554 пациента. 500 из них сразу переправлены во Владикавказ.

Самая тяжкая часть работы сделана. Убитых и тех, кто при смерти, отделили от раненых. Тяжело раненых отделили от легко раненых. В пяти операционных работают 15 хирургов. На дежурстве 200 врачей. Курсируют 57 машин скорой помощи. Оборудован временный лазарет под тентом. В Центральную больницу Владикавказа по неотложной помощи поступило 219 раненых из Беслана. У многих – жуткие ожоги и стреляные раны. Пятеро пациентов в течение дня погибают.

В республиканскую Детскую больницу привезены 309 раненых из Беслана. Некоторые – на скорой помощи, некоторые – на частных машинах. 30 детей находятся в реанимации. В основном – осколочные раны, ранения в живот, переломы, повреждения глаз и ушей. Дети не плачут. Ведут себя тихо. Молча позволяют врачам делать уколы. Все очень деловито, спокойно. Больше никакой паники.

ШКОЛА #1. 17 ЧАСОВ

Большой бой затихает. Спортзал, главный коридор, актовый

зал, столовая, классы в передней части здания уже в руках сил безопасности. Школа местами еще горит. Вид у нее как после бомбардировки. Фасад разбит вдребезги, крыша спортзала рухнула, все окна выбиты.

В здании работают врачи, пожарники и спасатели. Они эвакуируют трупы. Погибших заложников отправляют в морг. Убитых террористов в десяти метрах от главного входа в школу раскладывают вдоль стены. Через несколько часов насчитают 32 трупа. Это противоречит официальным данным, по которым убит 31 террорист. Здесь 32. Их видит целый взвод пожарников, они могут подтвердить эту цифру. На мешках, в которые уложены трупы, лежат таблички с номерами – от 1 до 32.

Это убитые. Но может, есть и такие, что остались живыми? Может быть, террористы еще мечутся по Беслану? Может быть, кто-то сбежал во всеобщем хаосе? А может быть, кто-то прихватил с собой детей и заложников? Такие вопросы задают себе люди около мэрии, около Дворца культуры. Убедительных ответов на них нет.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 18 ЧАСОВ 13 МИНУТ

Названо официальное число пациентов в больницах Беслана и Владикавказа – 346. На самом деле к этому времени их уже более 600. Уполномоченный Путина Асламбек Аслаханов распространяет заявление, что число жертв может "превысить 150". В конечном итоге их окажется к концу дня более 300.

Последний телефонный контакт с захватчиками в школе. Дозвониться удалось Михаилу Гуцериеву. Голос на другом конце говорит: "Это вы во всем виноваты".

БЕСЛАН. МОРГ. 19 ЧАСОВ

Мурат Кацанов, предприниматель-эвакуировщик, с наступлением вечера покидает поле битвы. Сведений об Алане у семьи нет. Кацанов больше не хочет смотреть вниз на школу. Он больше не хочет слышать выстрелов. Он хочет принять ванну.

В его квартире ванны нет. Семья отправляется к родителям, живущим через пару домов. Там Мурат Кацанов ложится в горячую воду. Уже около семи вечера. Кто-то громко стучит в дверь. В дверях его мать. Она кричит: "Нашли Алану! Она в

морге".

Со старшей дочерью и сестрой Мурат Кацанов едет к моргу. Между ветхими кирпичными зданиями стоят большие группы людей. Тишина. На многих – бумажные маски на нос и рот против неотступно преследующего трупного запаха.

Их подводят к носилкам. Маленького человека, лежащего на них, узнать нельзя. Раны исказили лицо, все сожжено. Но это может быть и она. Сережки ее. Нижнее белье ее. Размер совпадает. Волосы завязаны узлом. Отец, сестра и тетя – все они не уверены. Так хочется, чтобы Алана осталась живой. Очень хочется, чтобы она была среди пропавших без вести. Тело, которое они видят, окончательной ясности не дает. "Это она", – думает Мурат Кацанов. "Но она ли?"

Он не может поставить подпись на формуляре, который кто-то положил перед ним. Это бланк, в котором сказано, что Алана Кацанова, родившаяся 23 февраля 1989 года, мертва. Причина смерти: убийство. Ему говорят, что он может потребовать, чтобы сделали генный анализ. Его делают в Ростове-на-Дону, это стоит 300 евро. У Мурата Кацанова трехсот евро нет. Он подписывает.

Ему говорят, что он должен съездить и привезти два одеяла и семь метров целлофана. Ни жертвам, ни тем, кто выжил, никаких послаблений.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 19 ЧАСОВ 08 МИНУТ

Поступили сведения, что несколько детей еще в руках террористов. Вокруг мэрии и Дворца Культуры стоят тысячи родственников заложников. Многие плачут в голос. Родители бродят, неся перед собой фотографии пропавших детей. Распространяется слух, что нескольким террористам удалось скрыться, и что они захватили с собой детей. В школе все еще стреляют.

БЕСЛАН. БОЛЬНИЦА. 19 ЧАСОВ 30 МИНУТ

На первом этаже больницы Фатима лежит на кровати. Она пьет. Она не может остановиться, выпивает целую бутылку. Вода теплая, но на языке она сказочно вкусна. Три дня не было ни капли во рту. Это она пережила. Теперь она спасена.

Она слышит голос, произносящий ее имя: "Фатя, Фатя!" Через

окно она видит мать. Обе они прикасаются к стеклу с разных сторон, мать кидается к входу в больницу и находит Фатиму в конце коридора. Когда она видит, насколько исхудала ее дочь и какая она бледная, она падает на руки Фатимы и плачет.

Дочь не плачет. Она держится. Она поддерживает мать. Она говорит: "Что ты плачешь? Я же жива".

БЕСЛАН. МОРГ. 21 ЧАС

Мурат Кацанов вернулся с одеялами и пленкой. На носилках ему выдают тело его дочери. Нужно опять встать в очередь перед дверью того отделения, в котором трупы моют и заворачивают в одеяла и пленку. Два часа Кацанов проводит в очереди рядом с носилками, на которых его дочь. Потом ему выдают ее – вымытую и завернутую, как мумию.

Он спрашивает работников морга, может ли он оставить в морге своего ребенка на ночь – в холодильнике. Ему говорят, что нужно спросить начальника. Начальник говорит: нет, мест не хватает. Перед дверью стоят грузовики-рефрижераторы. Сюда их пригнали компании, специализирующиеся на дальних перевозках. В рефрижераторах можно оставить трупы на ночь. Один труп на одну ночь – 300 рублей. Мурат Кацанов покупает одно место.

БЕСЛАН. АНТИКРИЗИСНЫЙ ШТАБ. 21 ЧАС 21 МИНУТА

Шеф североосетинского ФСБ Валерий Андреев заявляет, что идентифицировано 79 трупов. Сообщается также и то, что в Беслане каждый может слышать своими ушами: бой в школе продолжается. Особенно в задней ее части, где большая мастерская. Время от времени что-то взрывается.

Танк с номером 325 из танкового батальона 58-й армии подъезжает к задней части школы. Он опускает дуло пушки и стреляет в подвал. Что там было и кто там находился – после этого уже не узнать. Как не узнать и что происходило во многих частях школы.

БЕСЛАН. КВАРТИРА МУРАТА КАЦАНОВА. НОЧЬ

Приближается полночь. Мурат Кацанов вернулся в свою квартиру на улице Батагова, 37. Соседи говорят, что только в их доме погибло 28 человек и четверо пропали без вести. Нет семьи, которой бы не коснулась эта беда. Дом мертвецов.

Из школы все еще раздаются выстрелы. Одиночные. И из задней части здания, давно превратившейся в руины, оттуда, где была мастерская, все еще слышны звуки боя. Хлопают выстрелы, раздаются взрывы. Мурат Кацанов решил напиться. Выпив водки, он ложится. Впервые за 66 часов. Он спит. Без снов. Тяжело. Как камень.

ШКОЛА #1. ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЗДАНИЯ. 4 СЕНТЯБРЯ. 2 ЧАСА УТРА

Десять взрывов, похожих на ручные гранаты, сотрясают заднее крыло школы. В тишине еще раз раздается крик – предсмертный крик: "Аллах акбар! Аллах акбар!" Снова тишина. Все кончено. Вот теперь действительно конец.

ЭПИЛОГ

Ранним утром 1 сентября 2004 года из перелеска на Сунженских холмах в путь тронулись три десятка мужчин и женщин – совершить самый кровавый терракт после 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Никого из них не осталось в живых. За одним исключением. Представители комиссии по расследованию утверждают: опознаны 16 из 31 – половина убитых террористов. Можно ли этому верить?

Спасшиеся заложники говорят, что террористов было много больше. Председатель североосетинской комиссии по расследованию Станислав Кесаев подтверждает, что число террористов должно быть значительно большим. Один из спецназовцев ФСБ, участвовавший в операции в Беслане, утверждает, что террористов убито 49, арестовано трое и 13 скрылось. Во всяком случае, генеральная прокуратура признает, что ее сведения могут быть неполными. И что, следовательно, кто-то из террористов мог уйти. Узнаем ли мы когда-нибудь, что на самом деле случилось в Беслане в "День знаний"?

Первые виновные тем временем привлечены к ответу. В отставку пришлось уйти министру внутренних дел Северной Осетии и шефу местной спецслужбы. Ведется следствие по обвинению в халатности против милицейского руководства Малгобекского района в Ингушетии и Бесланского района в Северной Осетии. Пока не подтвердилось сообщение, что среди террористов был офицер службы внутренней безопасности ингушской милиции.

Дело лишь в том, до сих пор обвинения пришлись на людей, которые по рангу – исполнители: министры мини-республик, чиновники среднего уровня. Вертикали власти, которую цементирует Путин, все это не коснулось. Идея вертикали в том, чтобы ответственность оказалась сконцентрированной в как можно меньшем числе рук. Так вот: людей, действительно обладающих властью, меры не коснулись. Ответственность за самое крупное кровопролитие в новейшей российской истории на себя не взял ни один столичный политик, ни один министр, ни даже шеф спецслужбы.

По-прежнему при должностях и после Беслана министр внутренних дел Рашид Нургалиев, в чьем подчинении милиция, попустительствовавшая террористам, Николай Патрушев, директор ФСБ, только сейчас, задним числом обнаруживший в старых досье сведения о бесланских убийцах; и, последний в этом списке, но не по значению – сам президент Владимир Путин.

Владимир Путин назвал захват школы #1 в Беслане "объявлением войны" крупнейшему государству мира. Не переводя духа, он выразил поддержку предвыборной кампании Джорджа Буша, вознося его как борца против международного терроризма. Ни словом не обмолвившись о том, где искать справедливости тем, кто стал жертвой терроризма перед дверьми собственного кавказского дома.

"Мы ждали Путина, а приехал всего лишь Аушев" – возмущались родственники погибших заложников 3 ноября на собрании в Беслане. От гнева этих людей с того собрания пришлось спасаться бегством заместителю генерального прокурора России по южному региону. "Где был Путин?", – вопрошают люди, подозревая, что правды – как нередко в России – они никогда не узнают.

Рассказывают, что кое к кому приходили люди в форме и настоятельно советовали не говорить правды на допросах и в интервью. Есть свидетельства, что террористы, в отличие от утверждения российских властей, выставляли конкретные и, может быть, выполнимые требования. Коррупция в стране повергает людей в неистовство: как смог целый отряд убийц за ничтожную сумму купить возможность беспрепятственного проезда до Бесланской школы #1!

Протесты выживших – что это? Лишь новая вариация на тему старой песни, которую российским подданным приходится заводить всякий раз, когда власть обрекает их на неизмеримые страдания, якобы необходимые ради сохранения огромной империи? Или на сей раз гнев, рожденный лицемерием, лживостью и продажностью в стране, достаточно велик, чтобы и система марки "Путин" восприняла его как опасность для себя?

По тому, каким будет отношение к жертвам злодеяния и как обойдутся с теми, на ком вина за гибель заложников – сгоревших грудных детей, убитых школьников и расстрелянных отцов, можно будет судить, куда идет Россия.